

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

:

Peeters-Podgaevskaja, A.V.

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):
Peeters-Podgaevskaja, A. V. (2008).

:

Amsterdam: Pegasus

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <http://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

3 ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

3.1 Пути становления русского нормативного языка

Приступая к анализу современного состояния пространственной концептуальной системы русского языка, отметим, что в орбиту нашего исследования мы включаем материал второй половины XX века, представляющей собой, по нашему мнению, довольно стабильный период в языковом развитии. Основные проблемы, связанные со становлением литературного языка, с его нормализацией и кодификацией, а также с формированием социальной базы его носителей, к этому времени уже в основном решены.

Этого, однако, нельзя сказать о XVIII – первой половине XX века, представлявших собой крайне нестабильный этап развития русского языка.

1 Строительство нового социума Петром Первым и его сподвижниками в начале XVIII века, секуляризация культуры и радикальный передел культурного пространства явились теми мощными внешними факторами, которые стимулировали «эмансипацию» русского языка, достигавшуюся различными путями.¹

- Отторжение и забвение старой культурной традиции, основанной на религиозном мировосприятии, и созидание новой культурной парадигмы светского, ориентированного на западный образец, общества как нельзя лучше проявились в государственной образовательной и языковой политике, направленной на расширение сферы применения русского языка и на радикальное сужение сферы церковнославянского.² В этом контексте становится понятным проведение в самом начале XVIII века реформы русской азбуки, четко размежевавшей церковную и гражданскую письменность. По форме гражданский шрифт связывался, с одной стороны, со

скорописью, типом письма, который ассоциировался прежде всего с русским языком, а с другой стороны, – с латиницей, что воспринималось как заимствование западной модели и разрыв с ученой орфографией, ориентированной на греческий образец (Живов 1996: 80). Отныне церковные книги могли быть напечатаны только церковным шрифтом, тогда как гражданские книги (самого разнообразного содержания) печатались исключительно гражданским шрифтом, т.е. на русском языке (Успенский 1994: 120).

■ В основу языковой политики Петр Первый декларативно кладет принцип «простоты» и понятности языка, который должен был наиболее наглядно проявиться в переводческой практике (Гуковский 1941: 55; Филин 1981а: 35). Требуя изгнать «высокие словенские слова», Петр призывает в своих рекомендациях, а порой и в прямых указаниях писать простым русским языком, понятным широкой публике. Однако под «простым» языком не следует понимать «простую мову» Юго-Западной Руси или приказной язык Московской Руси конца XVII века, который из-за ограниченности сферы употребления и бедности словарного запаса не мог претендовать на статус литературного языка. «Простой» язык, который имел в виду Петр, – это смесь русских и церковнославянских элементов, гибридный язык, очищенный от сугубо книжных морфологических и синтаксических явлений (Литвина 1999: 123).³ Как замечает Успенский (1994: 97):

... что такое «простой» язык было непонятно, но имелся, так сказать, социальный заказ писать на нем. [...] Отсюда определяется диффузность, размытость этого языка, отсутствие границ, которые бы его четко определяли, и вместе с тем отсутствие в нем стилистической дифференциации...

Таким образом, содержание «простого» языка сводилось к отказу от старого книжного языка, не пригодного, по мнению реформаторов, для выражения новых культурных и духовных ценностей.

Третьяковский в своем предисловии к переводу романа Поля Талемана «Езда в остров Любви» очень четко сформулировал те основные причины,

по которым авторы все чаще обращаются к «простому» языку:

Первая: язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многия его наши читая не разумеют... Третья: которая вам покажется, может быть, самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть что язык славенский ныне жесток моим ушам слышится... (Успенский 1994: 123)

- Отказ от собственной книжно-литературной традиции и своеобразие «простого» языка как некоего гибридного образования ставили писателей и переводчиков перед проблемой, как писать, т.е. какие средства выражения считать допустимыми, а какие нет, на какую группу носителей языка ориентироваться.

Возводя «писать, как говорят» в принцип, т.е. провозглашая разговорную речь основой письменного языка, по французской языковой модели, крупнейшие теоретики литературной нормы Адодуров и Третьяковский сразу столкнулись с рядом неразрешимых для первой трети XVIII века проблем.

Во-первых, в России в то время не было социального страта общества, как, например, придворное или салонное общество во Франции, который бы явился законодателем языковой нормы и на язык которого можно было бы ориентироваться. Высшие круги русского общества говорили, по всей видимости, вместе с другими группами горожан на московском койне (Котков 1974: 26-27; Алексеев 1985: 10). Во-вторых, писательская деятельность определялась во многом церковнославянской литературной традицией, и отказаться от нее было практически на том этапе не возможно.⁴

Следование принципу «писать, как говорят» вело даже у наиболее видных представителей реформаторского направления к пестрому и хаотичному смешению церковнославянизмов с чужеземными словами, нейтральных вариантов с просторечными формами в одном литературном произведении. Так, сам Третьяковский указывал на многочисленные просторечные формы в своем переводе «Езда в остров любви», который был явно предназначен для изысканного общества. А Сумароков обвинял Ломоно-

сова в том, что тот пишет на своем холмогорском наречии, не зная «благородного московского наречия» (Алексеев 1985: 10-11).

Анализируя особенности становления нового литературного языка данного периода, Виноградов отмечал, что одним краем он уходил в разговорный язык города и в крестьянский язык, включая в себя и областные диалектизмы, а другим краем врезался в область церковно-книжного языка (Виноградов 1949: 70-71).

- Отмежевание от церковнославянского происходило на фоне широко-го взаимодействия с другими европейским языками, что явилось следствием активного знакомства с западной наукой, техникой, культурой и бытом. Проникновение отдельных элементов их в русскую действительность усиливали в небывалой степени межъязыковые контакты:

Влияющими в это время языками были немецкий, голландский, английский, датский, шведский, французский, итальянский, чешский, украинский, белорусский, классические и восточные языки. Однако роль их далеко не одинакова. (Филин 1981а: 61)

Лексические заимствования Петровского времени были, безусловно, мотивированы заимствованием новых реалий (см. Виноградов 1949: 48-62; Биржакова и др. 1972; Филин 1981а). Однако наряду с этим они выступали и как показатель новой культурной ориентации, новой системы ценностей. Желанием сменить определенную культурную нагруженность, освободиться от исконных коннотаций объясняется процесс вытеснения у знакомых предметов и понятий духовной сферы, зачастую связанных с религиозным дискурсом, прежних исконных названий западноевропейскими. Культурная значимость такого процесса была очевидна: новые имена являлись знаками нового универсума (Живов 1996: 148).

Таким образом, в эпоху Петровских преобразований языковая ситуация в России представлена двумя полюсами. На одном – старая, проникнутая религиозностью культура с отжившей языковой парадигмой, выраженной церковнославянским языком с его строгой грамматической и лексической организацией. На другом – новая секулярная культура, ориентированная

на западные модели, и как средство выражения новой системы духовных ценностей – русский «простой» язык, представляющий собой нагромождение генетически разрозненных элементов на фоне полного отказа от признаков книжности.

2 Однако ситуация резко меняется с середины 30-х годов XVIII века, когда построение нового социума, казалось бы, уже закончилось, и рост национального самосознания потребовал новой переоценки ценностей и пересмотра культурных ориентиров.

- Так, с одной стороны, начинает культивироваться в определенных кругах не подражание всему чужому, а самобытность своего. С другой стороны, все те же европейские идеи о полифункциональности литературного языка наталкивались в России на дуализм нового литературного языка, на котором создается светская литература, и церковнославянского языка, на котором пишется религиозная литература. Идеологическим обоснованием необходимости объединения этих языков является идея преемственности «славенороссийского» языка языку «славенскому», что делало русскую культуру наследницей многовековой традиции и ставило в один ряд с другими европейскими культурами (Алексеев 1985: 13). В «Разговоре об орфографии» (1748 г.) Третьяковский утверждает тождество русского и церковнославянского, различия между которыми сводятся лишь к набору грамматических и лексических характеристик (см. далее Живов 1996: 279).

Таким образом, во второй половине XVIII века новый литературный язык, с одной стороны, отказывается от заимствований из европейских языков, которые, попадая в низший стилистический регистр (например, комедии), остаются активно используемыми в жанрах частной переписки, путевых заметок и т.д.

С другой стороны, для нового литературного языка характерно в этот период активное словотворчество, создание неологизмов из словообразовательных элементов церковнославянского и русского языков и расширение значений у собственно русских слов под влиянием иноязычных слов

и понятий (см. об этом Веселитский 1972; Мальцева и др. 1975; Борисова 1978; Филин 1981а). Жанровое и стилистическое многообразие новой литературы и лексическое изобилие литературного языка становятся доминирующей характеристикой языкового развития. Все это должно было привести к последовательному нормированию и кодификации, которыми и отмечены 40 – 50-е годы XVIII века (Живов 1996: 308).⁵ Выбор пал на классификацию слов и форм по происхождению.

- Теория «трех штилей» Ломоносова, сформулированная в «Рассуждении о пользе книг церковных», выдвигает новый аспект рассмотрения языковых средств – аспект функционально-стилистический. А это позволяет временно разрешить проблему хаотичного словоупотребления в литературных произведениях. Ломоносов выделил в русском языке три рода слов, закрепив их за определенными литературными жанрами. Высокому стилю приличествуют церковнославянизмы, понятные всем грамотным людям, и славянорусские (т.е. нейтральные) слова; для низкого стиля характерны славянорусские и русские (читай, просторечные) слова; в среднем же стиле возможно употреблять всякие речения (Успенский 1994: 146-147; Живов 1996: 335):

Таким образом, средний стиль оказывается принципиально макароническим по своей природе, однако в будущем он должен стать нейтральным – иначе говоря, это стиль еще не существующий, идеальный... (Успенский 1994: 147)

И именно этому стилю довелось лечь в основу русского национального литературного языка в конце XVIII – начале XIX века. Его развитие в этот период прежде всего хорошо прослеживается в языке науки, где многоплановость научных произведений и стремление к популяризации изложения способствовали отражению в них значительной части существовавшего в языке словаря (Кутина 1964: 5-6; Борисова 1978: 139).

- Опыты нормализации, встречаемые в «Рассуждении о пользе книг церковных», продолжены Ломоносовым и в его «Русской грамматике»

(1757 г.), носящей следы синтезирующего подхода к русским и церковно-славянским языковым явлениям (см. далее об этом Хабургаев 1983: 104-106; Живов 1996: 338-343). Здесь генетическое по природе противопоставление «славянское ↔ русское» освещается и со стилистической стороны («высокое ↔ низкое»), поскольку грамматические и словообразовательные элементы церковнославянского происхождения соотносились последовательно с высоким стилем, а типично русские – с низким стилем (Князкова 1974: 26).

В грамматике Барсова (1783-1788 гг.) как суммирующей филологической рефлексии дано наиболее полное описание языковых явлений последней трети XVIII века, сделаны тонкие наблюдения над особенностями языка, четко сформулирована норма (см. Успенский 1981).

▪ Теория трех стилей Ломоносова была нацелена прежде всего на письменный литературный язык. Проблему устной формы литературного языка поставило следующее за Ломоносовым, Сумароковым и Тредиаковским поколение. Карамзин предложил в качестве образца взять язык, которым пользовались в петербургских салонах (Толстой 2002: 87). Значит, к концу XVIII – началу XIX века в России наконец сформировался слой общества, который стал законодателем языковых изменений (по французской языковой модели). Поэтому не случайно именно во французском языке карамзинисты видели основной источник обогащения русского, а в критерии вкуса – основной стимул языкового развития.

Если заслуга создания «нового слога» принадлежит Карамзину, отказавшемуся от высокого стиля Ломоносова, опирающегося все-таки на церковнославянскую традицию, то роль основоположника современного русского литературного языка выпала на долю А.С. Пушкина (Толстой 2002: 88). Именно он объединил книжную культуру литературного слова с живой русской речью, с формами народно-поэтического творчества, но, исходя из идеальных представлений об общепонятном языке хорошего общества, ограничил при этом права русского просторечия, областных говоров и профессиональных жаргонов (см. далее Виноградов 1949: 227-268; Успенский 1994: 167-183.).

Однако, определив пути, по которым пойдет формирование нормативного языка, Пушкин еще не создал нормы как таковой, поскольку его язык еще не стал общенародным языком. На нем говорила лишь незначительная часть общества – дворянская элита: ни простой народ, ни мелкопоместное дворянство не владели этим языком.

3 В развитии литературного языка и становлении нормы за последние два неполных столетия (с 30-х годов XIX до начала XXI века), как нам представляется, можно выделить две широкомасштабных волны демократизации русского языка, связанных с расширением социальной основы носителей так называемой литературной нормы. И значение этого процесса для всех уровней литературного языка нельзя переоценить.

- В 30 – 50 годы XIX века с вступлением на общественно-политическую арену разночинской интеллигенции именно ее язык становится социально-диалектной базой литературной речи:

В звании литераторов и писателей явились люди не только без ученых степеней, без дипломов, без аттестатов, не писавшие прежде ни одной строки, но даже таких профессий, которые не имели ничего общего ни с литературой, ни с наукой: откупщики, конторщики, бухгалтеры, столоначальники, офицеры, помещики, студенты, семинаристы, мещане, крестьяне... (Виноградов 1949: 419)

Без сомнения, они вносили в создаваемые произведения привычные с детства словоупотребления, выражения и конструкции, свойственные той среде и той местности, откуда они были родом.⁶

Распространение романтической эстетики и идей натуральной школы с ее вниманием к быту отдельно взятой социальной среды открывали пути для более широкого воздействия народных говоров, разговорных диалектов, жаргонов и стилей города на нормы литературного языка. А развитие научно-технического прогресса и становление публицистики и журналистики привнесли в русский язык огромное количество новообразований, относившихся, прежде всего, к общественно-политической сфере.

Наиболее ярко демократизация литературной речи середины XIX века отразилась в «Толковом словаре» Даля, который пропагандировал морфологическую и семантическую ассимиляцию и контаминацию форм литературного языка с простонародной стихией, демократическую унификацию литературного языка и разрушение традиционных стилистических категорий, «чистку» и отбор простонародных элементов, фонетическое, морфологическое и семантическое «олитературивание» простонародной речи (Виноградов 1949: 426-430).

Таким образом, середина и вторая половина XIX века характеризуются не только расширением социальной базы носителей литературной нормы, но и демократизацией самой нормы, проникновением изрядного количества иностранной, просторечной и диалектной лексики (Сорокин 1965: 480 и далее; Филин 1981b; Князькова 1974).⁷ Процессы словотворчества сопровождались активизацией различных грамматических процессов в отдельных звеньях языковой цепи.⁸

▪ Следующий этап широкой демократизации языка связан с 20-ми годами XX века, которые часто называют периодом «революционного взрыва» в языке. Насыщенный просторечием и диалектизмами язык рабочих и крестьян проникал в литературную речь двумя путями. С одной стороны, рост миграционных потоков, выраженный в массовом уходе крестьян в города (иногда целыми деревнями), приводил к тому, что диалектная речь существовала порой на правах литературной (Коготкова 1970: 117-118). С другой стороны, словоупотребления, родившиеся в рабочей печати и пропагандистской литературе, занимали в этот период все более доминирующее положение в системе, вытесняя широкий круг слов, употреблявшихся в дворянском обиходе.⁹

В 20-е годы прошлого столетия возникла возможность резкого изменения в некоторых участках морфологической системы, что объяснялось сильным влиянием просторечия (Панов 1968: 136). Одни «новшества», привнесенные диалектами, не закрепились в языке, другие же, наоборот, стали его частью.¹⁰

Проникновение в 20-е годы XX века в норму огромного количества новых элементов на всех уровнях, высокая вариативность форм, с одной стороны, а с другой – задачи школьного образования и обучения литературному языку широких масс безграмотного населения имели своим следствием жесткую регламентацию нормы в 30 – 40-е годы, высокую степень ее предписательности и обязательности.

Таким образом, два пика широкомасштабной демократизации языковой нормы, приходящиеся на 40 – 50-е годы XIX века и на 20 – 30-е годы XX века, были связаны с дальнейшим развитием научно-технического и социального прогресса. Рост промышленности стимулировал миграционные процессы в обществе, приводящие к качественному изменению состава городского населения, в конечном счете являющегося социальной базой нормированной речи. Появление новых общественных и философских идей, а также дальнейшее развитие системы образования имели своим следствием повышение общей образованности носителей языка и качественное изменение состава пишущей и читающей публики. Открытие новых областей знания вело к расширению понятийного фонда. Все это приводило к изменениям не только в языке, но и в системе когнитивных представлений.

3.2 Процессы языкового освоения новых локальных реалий

Период XVIII – XIX веков характеризуется, как мы видели, экспансией в русскую бытовую культуру огромного количества локальных реалий из других культурных «миров». В это время русский литературный язык вбирает в себя как иноязычную локальную лексику, так и лексику, заимствованную из многочисленных русских диалектов, что объясняется не только активным освоением ранее неизвестных явлений общеевропейской материальной культуры, но и возросшим осознанным интересом к своей собственной культуре, проявившимся в развитии географии, этнографии, фольклористики и т.д. (Герд 1995: 57). Так, в этот период становятся частью русской действительности и понятийного фонда языка такие локаль-

ные реалии, как *коридор*,¹¹ *музей*,¹² *магазин*,¹³ *ресторан*,¹⁴ *театр*,¹⁵ *вилла*,¹⁶ *парк*,¹⁷ *сквер*,¹⁸ *лагерь*,¹⁹ *станция*,²⁰ *гавань*,²¹ *пляж*,²² *проспект*,²³ *бульвар*,²⁴ *перрон*,²⁵ *фабрика*,²⁶ *вокзал*,²⁷ *ферма*,²⁸ *бухта*,²⁹ *район*,³⁰ *квартал*,³¹ *ярмарка*,³² *терраса*³³ и многие другие (см. далее Биржакова и др. 1972; Филин 1981а; Черных 1994). Из крестьянского быта проникают *каморка*, *подвал*,³⁴ *чердак*,³⁵ *проулок*, *залив*,³⁶ *тайга*,³⁷ *тундра*³⁸ (см. далее Князькова (1974: 115); Филин (1981а)).

При усвоении иноязычных локальных реалий происходила и адаптация ассоциативных и когнитивных связей, с ними связанных. Иногда такие представления в языке-доноре и русском языке совпадали, иногда нет, и тогда мы наблюдаем попытки языка-реципиента первоначально приспособиться к иноязычным представлениям, что зачастую не удавалось. Для нашего исследования данное замечание имеет большое значение, поскольку помогает понять, почему некоторые заимствованные реалии выпадали (и выпадают до сих пор) из системы устоявшихся представлений в русском языке о сходных по форме и функциям пространственных объектах. Проиллюстрируем это положение несколькими примерами.³⁹

Процесс адаптации хорошо прослеживается на употреблении при некоторых локумах предлогов В и НА, связанных с нахождением и движением в пространстве. Так, в узусе XVIII – XIX века мы встречаемся с употреблением предлога, ныне не характерного:

- (1а) Он поселил жену [...] под Флоренцией, в загородной вилле... (Вересаев)
- (1б) Сегодня утром на вилле Бенардаки открыли две замурованные комнаты. (Вересаев – Rc)
- (2а) Пашка [...] бросился в палату оспенных, оттуда – на коридор. (Чехов)
- (2б) Я постоял, прошелся из угла в угол и вышел в коридор. (Чехов – Rc)
- (3а) В Камчатку сослан был, вернулся алеутом. (Гиляровский – Rc)
- (3б) Его завезла на Камчатку научная экспедиция... (Обручев – Rc),

при нормативных *на вилле*, *в коридор*, *на Камчатку*.

Подобное явление вариативности можно объяснить, на наш взгляд, следующими факторами:

- Писатели, как правило, выходцы из разночинской среды, являясь носителями более свободной нормы, связанной с их происхождением, отражали те широкие колебания в употреблении, которые в принципе присущи разговорной стихии.⁴⁰
- Сами реалии со всем комплексом ассоциаций еще не нашли окончательного места в системе когнитивных представлений носителя русского языка. Поэтому здесь могли актуализироваться иные представления и допускаться иные интерпретации ситуаций.

Так, *курорт*, представлял в немецкой действительности не что иное, как город (*in dem / den Kurort*) с характерными для него пространственными характеристиками. Попав в русский язык, *курорт* вначале сохраняет ему присущие ассоциации, а следовательно, и предлог:

- (4) Тут есть парк, какой вы найдете во всяком заграничном курорте.
(Чехов)

Но вскоре данная реалья встраивается в другой ряд ассоциаций: не город, а местность с лечебными источниками (*водвы*), хорошо знакомая носителю русского языка. Желаящие укрепить свое здоровье ездили *на водвы*, т.е. в местность с целительными источниками, и отдыхали *на водах*. Поскольку, кроме наименования, ни сущность самого пространственного объекта, ни ассоциации не изменились, предпочтительным оказался в конце концов предлог НА.

Встраивание определенной реалии с заданным набором признаков в уже существующий ряд ассоциаций определяет и выбор предлога при локуме *сквер*. Именно первоначальная идея площади как ограниченного участка поверхности, обустроенного людьми, позволила Чехову употребить предлог НА, который современному носителю кажется по меньшей мере странным:

- (5) И потом он встречал ее в городском саду и на сквере по несколько раз в день. (Чехов – Rc)

Позднее *сквер*, по всей видимости, был соотнесен с огороженным участком поверхности, как *сад*, *парк* и т.д.

Другой пример – *тундра* (заимствование из финского языка, пришедшее к нам при посредничестве сибирских диалектов). Ассоциируясь с безлесными пространствами, тундра воспринималась первоначально как некий участок природного ландшафта, по типу *равнины*, *луга* и т.д. Поэтому вполне был оправдан предлог НА у Державина:

- (6) Ушел олень на тундры мшисты... (Державин)⁴¹

Однако освоение Далёкого Севера и лучшее знакомство с природным ландшафтом тех областей повлияли на представления о тундре как о некоем гомогенном фрагменте пространства, осмысляемом по типу *пустыни* или *леса*.

- Физическое изменение/преобразование реалии также вело к смене ассоциаций, связанных с ней.

Так, например, *вокзал* первоначально обозначал лишь ‘залу на гульбище, где бывает музыка’, и именно в этом значении мы встречаем *вокзал* у Пушкина:

- (7) На гуляньях иль в воксалах... (Пушкин)

Современное значение развилось в связи с тем, что железная дорога Петербург – Павловск заканчивалась у вокзала в Павловске, служившего одновременно и пассажирским зданием и залом, где давались концерты (Черных 1994/1: 162). Так, *вокзал* начинает соотноситься не только со зданием, но со всем комплексом построек, включающим и железнодорожные пути, и, таким образом, представляет собой уже комплексное сооружение с прилегающей территорией, для которого характерен предлог НА. Однако в определенных контекстах не исключалось и первоначальное осмысление. У Достоевского, например, *вокзал* соотносится не со всем комплек-

сом построек, а только с самим зданием, что объясняет выбор предлога В:

- (8) Вместо того в вокзал был прислан навстречу нам какой-то лакей...
(Достоевский)
- В определенных контекстах, в зависимости от фокуса внимания, могли актуализироваться не совсем традиционные представления. Так, *степь*, которая прежде всего виделась как гомогенный фрагмент пространства значительной протяженности (см. глагол *углубиться* в примере (9)), как фрагмент природного пространства, соотносимый с лесом или полями (пример (10)), предстает у некоторых авторов в виде некой плоскости-опоры, с которой вступают в контакт/взаимодействие. Ср.:
- (9) Зато северский князь и брат черниговского [...] дерзнули углубиться в степи половецкие... (Карамзин – Rc)
- (10) ... некоторые одни и те же породы дичи живут иногда в степи и *полях*, иногда *в лесу*, иногда *в болоте*. (Аксаков – Rc)
- (11) На обратном пути он уверен был найти ее на том же месте, спокойно насающуюся на зеленой степи. (Пушкин – Rc)
- (12) Какой русский не знает, что такое метель, как важно в подобном случае какое-нибудь дерево на беспредметной степи... (Фет – Rc)

Таким образом, вариативность в употреблении предлогов В и НА при некоторых локумах объяснялась длительным процессом адаптации локальных реалий, пришедших из иной материальной культуры, и их встраиванием в общую систему пространственных представлений русского языка.

3.3 Современное состояние: принципы ограничения материала

Приступая к анализу современного состояния пространственной концептуальной системы русского языка, отметим, что при отборе языковых явлений мы руководствовались принципами *современности источников*, наличия *письменной фиксации* устно-разговорной речи и диалектных данных и относительной *стабильности языкового развития*.

1 Опираясь на материал, содержащийся в произведениях художественной литературы и публицистики, отражающих сформировавшуюся русскую языковую норму,⁴² в компьютерных корпусах текстов, в руководствах по правильности речи и словарях ‘ошибок’, а также в аттестациях спонтанной речи, мы наиболее объективно и полно сможем реконструировать пространственную концептуальную систему современного русского языка, которая в свою очередь явится надежным основанием для последующего анализа диахронного состояния языка и диалектов. Язык и действительность в исследуемых источниках гораздо более приближены к нашим собственным представлениям о мире и к нашему собственному языку, чем это можно утверждать о текстах, допустим, XIX века. А это значит, что в спорных вопросах исследователь сможет опереться на свою языковую компетенцию.

Если же включить материал XIX и первой половины XX века, как это делает большинство исследователей, то мы всегда будем ограничены лишь письменными свидетельствами, как правило, в той или иной мере пропущенными через призму кодифицированного языка, поскольку фиксаций, а тем более исследований устно-разговорной литературной речи XIX – начала XX века практически нет. Кроме того, мы не сможем в полной мере опереться и на нашу языковую интуицию, поскольку неправомерно думать, что язык и представления о мире, заключенные в текстах, удаленных от нас порой на два столетия, остаются неизменными.

2 Ограничение материала второй половиной XX века связано еще и с тем, что именно с этого времени ведется планомерная фиксация диалектного материала, появляется большое количество словарей и других материалов по русским говорам. Использование этих данных создает реальное основание для хронологически параллельного сопоставления языковых и когнитивных процессов, отраженных в современной литературной норме и некоторых диалектах.

3 Стабильность языкового развития – третий существенный фактор, который мы учитываем при ограничении языкового материала. В отличие от второй половины XX века, когда нормативный узус довольно устойчив и не столь подвержен различным влияниям и вторжениям, предшествующие столетия языкового развития были отмечены характерными «детскими болезнями», связанными со становлением кодифицированного языка и литературной нормы. В этом плане XVIII – первая половина XX века представляются крайне нестабильными вследствие изменения самого статуса русского языка, широкомасштабных словообразовательных и грамматических преобразований, небывалой демократизации социальной базы носителей нормы, влияния иностранных языков и собственных диалектов и т.д. Многие отклонения от современного состояния, различные аномалии и явления вариативности, таким образом, могут быть объяснены не столько особенностями когнитивных представлений (что для нас наиболее важно), сколько отсутствием кодифицированной нормы, результатом чего и являлась широкая вариативность и неустойчивость на всех уровнях языка.⁴³

3.4 Анализ современного состояния

К сожалению, исследования, проведенные на материале одного или нескольких языков, о которых мы говорили во Второй главе, лишь затрагивают некоторые аспекты проблемы и не дают полного представления о том, какие пространственные категории присутствуют в отдельно взятом языке, какова специфика концептуализации конкретных локумов, чем она объясняется, какова картина наивных представлений о пространстве, как она изменялась во времени, одинакова ли она в нормативном языке и некодифицированном языке и диалектах, можем ли мы на основании реконструкции пространственной концептуальной системы предсказать ментальную репрезентацию и языковое выражение новых локумов-реалий и т.д.

Данная работа представляет собой первое исследование, в котором будет дана попытка исчерпывающего ответа (в той мере, в какой это вообще возможно) на выше поставленные вопросы. Переходя к анализу конкретного материала, остановимся на некоторых допущениях, принятых в работе.

Допущение 1

Мы исходим из того, что пространство состоит из объектов и мест, заполненных этими объектами. Такие места мы называем *локумы*, если речь идет о конкретных пространственных сущностях, или *релятумы*, если речь идет о когнитивной репрезентации.

Различаются предметные локумы, такие как *стол, шкаф, стена* и т.д., которые человек использует в своей повседневной жизни, и пространственные, т.е. фрагменты освоенного человеком пространства, в пределах которого он обитает и функционирует и с которым он взаимодействует, будь это участки закрытого/замкнутого или открытого типа, естественно-природного или организованного/обустроенного пространства. Наше исследование посвящено анализу именно пространственных локумов.

Допущение 2

В любом (и в русском тоже) языковом сознании всякий локум мыслится как некая сущность, отграниченная от других сущностей визуально воспринимаемыми или мыслимыми границами. Вне зависимости от его реальных конфигураций, локум ассоциируется либо с вместилищем, либо с поверхностью-опорой.

Допущение 3

В работе рассматриваются ситуации движения к локуму (с потенциальным заходом или пересечением границы) и локализации в нем. Различие данных ситуаций в языке выражается с помощью падежных окончаний (винительный падеж – перемещение, предложный падеж – местонахождение). Предлог же связан прежде всего с выражением пространственной конфигурации локума. Так, предлог *В* обозначает движение вовнутрь или нахождение внутри локума, а предлог *НА* – движение на поверхность или нахождение в пределах или на поверхности локума (см. схему пространственных отношений Бондарко и др. (1996: 10)).

Допущение 4

Человек или локализуемый объект может находиться к подобным локумам в отношениях конкретной или общей сопространственности (см. Всеволодова (1982: 13)). Мы рассматриваем прежде всего случаи общей сопространственности, когда локализуемый объект находится в пределах локума и взаимодействует со всем локумом. Случаи конкретной сопространственности, когда осуществляется контакт не со всем локумом, а только с одной из его сторон/граней/поверхностей или с заполняющей его субстанцией, не рассматриваются. Ср.: *в сарае – на сарае* (т.е. на крыше сарая), *на реке – в реке* (т.е. в воде).

Допущение 5

Исходя из второго допущения, мы выделяем два концептуальных типа, объединяющих различные пространственные категории: контейнерный и поверхностный типы концептуализации. Набор концептов и категорий может меняться от языка к языку, от диалекта к диалекту и от периода к периоду в пределах одного и того же языка.

Допущение 6

Всякую категорию, состоящую из гомогенных (равных себе в любой точке) пространственных объектов, можно представить достаточно абстрактно посредством некоторого графического рисунка-схемы, который должен отражать идеализированный, наиболее употребительный, обобщенный и лишенный специфичных черт случай, выбранный из данной категории. Подобная схема не обязательно должна быть связана с идеей прототипа или так называемого 'best example'.

3.4.1 Контейнерный тип концептуализации

1 В наиболее прототипические категории контейнерного типа входят, на наш взгляд, локумы, представляющие собой закрытые помещения или строения, т.е. трехмерные, максимально замкнутые пространства, представляющие собой своего рода контейнеры-вместилища.

К подобным категориям относятся:

▪ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ⁴⁴ ▶ [СТРОЕНИЕ]⁴⁵ (дом, изба, сарай, баня, хлев, мастерская, кузница, беседка, теплица и др.):

- (13) В юрте я застал полуживую от страха хозяйку. (Скрипкин – Rc)
 (14) Меня устроили в сарайчике. (Полевой)
 (15) Несли [...] в кузницу [...] больше всего лопаты, тяпки... (Калинин)

▪ ЧАСТИ ДОМА/ЗДАНИЯ ▶ [ПОМЕЩЕНИЕ] (комната с различными модификациями: горница, гостиная, спальня, детская и т.п.; ванная, коридор, сени, кладовая, подвал и др.):

- (16) Тут она вскочила и помчалась в ванную. (Ермильченко – Rc)
 (17) Выскочит в коридор и стоит с этой куклой, смотрит на него.
 (Геласимов – Rc)
 (18) Они вышли в сени. (Нагибин)
 (19) Решительно направился я в прихожую... (Астафьев – Rc)

▪ ЗДАНИЯ-УЧРЕЖДЕНИЯ ▶ [УЧРЕЖДЕНИЕ] (школа, театр, больница, аптека, музей, гостиница, магазин, ресторан и др.):

- (20) ... мне надо зайти за Инной в школу... (Балтер)
 (21) ... что можно было купить в аптеке, сэкономив на школьных завтраках. (Варламов – Rc)
 (22) ... а в городе, в гостинице всегда принимал ванну. (Абрамов)
 (23) А вам [...] надо зайти в райздрав насчет путевки в санаторий.
 (Николаева)

Контейнерная концептуализация подобных релятумов поддерживается самой действительностью: все они представляют собой объемы, со всех сторон замкнутые в пространстве. Поэтому ведущими когнитивными признаками здесь являются «трехмерность» и полная «закрытость/замкнутость». Графически это можно представить следующим образом:

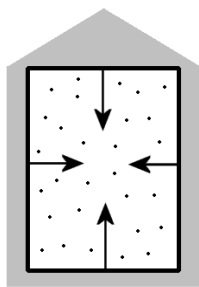

Схема 5. [СТРОЕНИЕ]

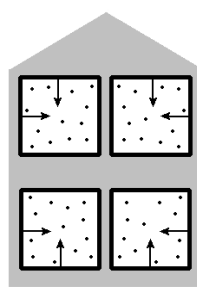

Схема 6. [ПОМЕЩЕНИЕ]

где точечное пространство – это обжитое, освоенное внутреннее пространство локума, а стрелки указывают на то, что внимание направлено на внутренний объем, а не на контуры/пределы/границы.

Однако такие локумы, как *кухня, квартира, этаж, конюшня, склад, пекарня и башня*, которые по логике вещей должны были бы относиться к выше перечисленным категориям, имеют двойную концептуализацию и, следовательно, сочетаются с обоими предлогами (см. раздел 3.5).

Другие же локумы (*чердак, колокольня, голубятня, вышка*) оказываются в несколько неожиданном для нас концептуальном типе, что объясняется профилированием иных когнитивных признаков, о чем речь в разделе 3.4.2.

Концептуализацию же таких пространственных объектов, как *почта, почтамт, телеграф и биржа*, в принципе невозможно понять, не зная истории проникновения и закрепления этих реалий (и апеллятивов) в русскую действительность и язык (см. раздел 3.7).

Таким образом, несмотря на всю очевидность геометрической конфигурации локумов-вместилищ, далеко не все из них входят в контейнерные пространственные категории, что объясняется различными причинами.

2 «Трехмерность» и «частичная замкнутость» (верхняя часть открыта) определяют отнесение к контейнерному типу категории:

- УЧАСТКИ ПОВЕРХНОСТИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМИ ГРАНИЦАМИ ▶ [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ] (парк, сад, сквер, палисадник; монастырь, кремль, крепость, лагерь; переулок, тупик, проезд и др.):

- (24) Экий парк-то громадина, дороги в парке общей длиной в пятьдесят четыре версты. (Давыдов – Rc)
- (25) В небольшом сквере [...] сидели и бродили люди. (Чаковский)
- (26) В монастыре было не спокойно. (Мордовцев)
- (27) Верка раз в месяц ездила в Москву, в Армянский переулок. (Токарева – Rc)⁴⁶
- (28) В проезде Художественного театра рядом с нами вдруг остановилась машина, и мы увидели Фадеева. (Пилявская – Rc)

Несмотря на всю разнородность локумов, относящихся к данной категории, их объединяет идея наличия ограды, высоких стен или вала, которые визуальнo ограничивают небольшой участок земной, организованной человеком поверхности от всего остального пространства. Характерным для многих из них является заполнение внутреннего объема вертикальными объектами (строениями или деревьями).

Учитывая тот факт, что данные локумы по своей форме и функциям, по крайней мере в европейской культуре, идентичны, несколько странным представляется взгляд тех исследователей, которые относят *парк* или *сад*, например, почему-то к двумерным локумам (см. у Hawkins (1988: 232)).

Графически данную категорию можно представить тремя схемами. Первые две являются вариантами друг друга: вертикальный объем заполнен растительностью/строениями:

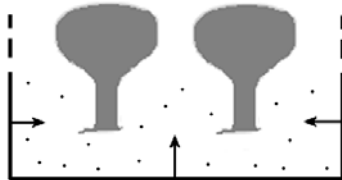

Схема 7а. [ПАРК]

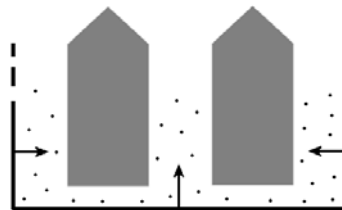

Схема 7б. [КРЕПОСТЬ]

На третьей схеме строения не заполняют объем, а ограничивают его:

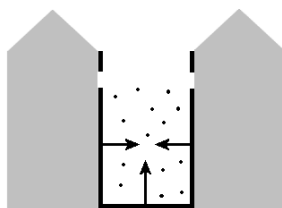

Схема 8. [ПЕРЕУЛОК/ПРОЕЗД]

Однако в предшествующий период идея огороженности и вертикальной проекции вовсе не исключала того, что некоторые из выше перечисленных локумов могли встретиться с предлогом НА. Так, у Чехова мы уже встречали *на сквере* (см. пример (5)). А вот случай с *на переулок* из более современных источников:

(29) Приехали на Эртелев переулок, в дом № 11... (Пикуль)

Несмотря на то, что подобное употребление явно устаревшее и для Пикуля совершенно не типичное (в том же самом тексте нами отмечено три случая с предлогом В), интересна сама возможность такого сочетания, которое не воспринимается автором как нечто абсолютно недопустимое.

3 Когнитивные признаки «полная замкнутость/ограниченность» и «проекция вверх/объемность» являются ведущими для такой категории, как:

- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА С (ЧЕТКИМИ) ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ГРАНИЦАМИ ▶ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] (части света, страны, регионы, области, края и города с конкретными реализациями; ⁴⁷ район, квартал, а также усадьба, поместье, ⁴⁸ имение и др.):⁴⁹

(30) В Европе, а потом и в Америке новелла стала наиболее распространенной формой малой прозы. (Дмитриева)⁵⁰

(31) Я в России рожден... (Островой)

- (32) Потом Сережа уехал в Заполярье строить новый город. (Балтер)
 (33) Накануне отъезда они поехали в город за покупками... (Балтер)
 (34) Не дремали по весне и в районе. (Росляков)
 (35) ... он запрятал их в имениях, где они отсиживались. (Гынянов)

Несмотря на всю гетерогенность данных объектов, состоящих из различных дискретных элементов пространства, всем им присущи представления о том, что в какой бы точке данного пространственного объекта мы не находились, мы всегда находимся в его пределах, что он ограничен от остального пространства некой границей, чертой, определяющими его «самость». Ср., например, выражения *в городской черте* или *за границами/пределами государства*. Но если для предшествующих категорий эта граница имела свое конкретное визуальное выражение, то здесь она несколько конвенциализируется.

Однако идее современных «незримых» границ, закрепленных на картах, предшествовали представления, в которых данные локумы имели реально оговоренные и документально засвидетельствованные границы, проходящие вдоль самых разных топографических ориентиров (леса, ручья, межи, камня, пня и т.д.). Такое четкое размежевание, оговаривание границ встречается в различного рода старинных грамотах: купчих, жалованных данных и других. Приведем один из многочисленных примеров:

- (36) А отвод тем землям от Тимошовской земли по речку по Велью, да речкою Вельею вверху в Сосновое болото, да из Соснового болота по Федцово поле [...] да по враг, да врагом в речку Селечну...
 (АФЗХ/2, № 2, 1477-1494 гг.)⁵¹

Идея замкнутого в пространстве города поддерживается к тому же довольно архаичным образом крепостных стен.

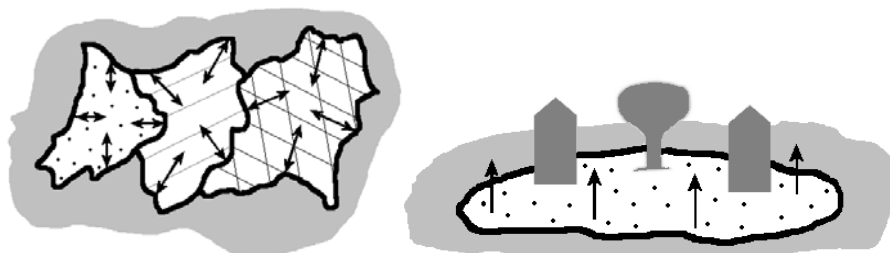
В литературе многие исследователи рассматривают страны, города и т.д. как локумы, обладающие признаком «двухмерности». На наш взгляд, подобные интерпретации находятся под сильным влиянием, с одной стороны, «картографического» подхода, когда представление о стране или го-

роде связывается с пятном-контуром на карте, а с другой – под влиянием прежде всего англоязычных исследований, проведенных на англоязычном материале. Здесь действительно любые географические и геополитические понятия уже с давних времен ассоциируются с пространственными объектами, максимально лишенными идеи пространственности и сведенными к представлению о точке. Именно такая интерпретация данных локумов позволяла и позволяет употреблять при них предлог *at* (Lindkvist: 1978: 28).

Как нам представляется, реальное переживание локумов категории [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО] совсем иное. Оно скорее трехмерно и сравнимо с образом урбанистического виртуального пространства, созданного с помощью компьютерного дизайна. О трехмерности данных релятумов говорила и немецкая исследовательница Hottenroth, которая как представитель иной, неанглоязычной, культуры допускала и иную интерпретацию. Поэтому говорить о «двухмерности» в данном случае надо крайне осторожно.

Графически идеализированный образ данной категории можно представить двумя способами – традиционным, широко принятым в литературе (релятум – контур на карте, где стрелками обозначено направление внимания) и нетрадиционным, к которому склоняемся и мы (релятум – трехмерное пространство, где стрелками обозначена вертикальная проекция):

Схемы 9а/б. [СТРАНА/ОБЛАСТЬ]

Однако вариативность восприятия данных локумов в принципе не исключена, поскольку их можно себе представить и как целостностные ограни-

ченные пространства с проекцией вверх, и как несущие поверхности, стягивающие различные, в том числе и вертикальные объекты в единое целое.

Ср.:

- (37а) Кузьмич работал когда-то в Донбассе... (Жигулин – Rc)
- (37б) Мои родители [...] привезли меня из Таджикистана в город Первомайск на Донбассе показать своего первенца бабушке... (Войнович – Rc)
- (38а) Например, в Ставрополье производят неплохое сухое вино... («Новая газета», январь 2003 – Rc)
- (38б) В текущем году на Ставрополье уже выявлено и уничтожено около 20 нефтеперерабатывающих минизаводов... («Профессионал», 1999 – Rc)
- (39а) Саранские команды знатоков стали лучшими в Поволжье. («Московский комсомолец», декабрь 2004 – Rc)
- (39б) То, что будет происходить на Поволжье и Кавказе... («Известия», ноябрь 2002 – Rc)
- (40а) Отмечена близость подходов Москвы и Афин к ключевым аспектам стабилизации на Балканах и в Средиземноморье. («Дипломатический вестник», 2004 – Rc)
- (40б) Летом, как и всюду на Средиземноморье [...] официально средняя температура держится в районе 30 градусов. («Домовой», август 2002 – Rc)
- (41а) ... происшедшее ясно указывает на отсутствие религиозной свободы в Тибете. («Коммерсантъ-Daily», январь 1996 – Rc)
- (41б) ... миссионерская деятельность церкви в Индии, на Тибете, в Китае [...] имела место в Сасанидскую эпоху... («Неприкосновенный запас», 2003 – Rc),

при нормативных *в Донбассе, в Ставрополье, в Средиземноморье, в Тибете*.⁵² Таких случаев, безусловно, мало. Так, соотношение В и НА при *Донбасс* ➤

80 : 5, при *Средиземноморье* > 40 : 5, а при *Тибет* > 70 : 8 (данные взяты из *Национального корпуса русского языка*). Подобные примеры, однако, симптоматичны, поскольку показывают, что вариативность возникает там и тогда, где и когда ослабевает детерминирующее влияние действительности на наши представления и знания о мире, что ведет к колебаниям носителя языка в выборе салиентного когнитивного признака. И тогда *Донбасс* или *Кузбасс*, *Ставрополье*, *Средиземноморье* или *Тибет* уже оказываются не просто административно-экономическими областями, а видятся как некие гетерогенные пространства, по типу *Кавказа* или *Урала* (о чем речь дальше).

В ряду городов несколько особняком стоит *Москва*, допускающая, в отличие от всех остальных, довольно регулярное употребление предлога НА:

- (42) Как раз о ту пору прогремел на Москве судебный процесс... (Пикуль)
 (43) Скажите на Москве, что я, старый, больной русский писатель – умоляю [...] вернуть меня на мягкую Русь... («Наш современник», 2003 – Rc)

Как нам представляется, с помощью предлога НА здесь в эксплицитной форме выражается противопоставление двух концептуальных миров: «столица ↔ провинция», «центр ↔ периферия». Москва – не просто главный город страны, но и культурный, исторический и духовный центр, объединяющий в единое целое все социальное пространство. У Костомарова (1993: 11) мы встречаем:

Москва называлась Москвою: собственное имя ее нередко принималось нарицательным именем русской столицы; говорилось: “На Москве и в городах”, как теперь говорится: в столице и провинциях.

И именно это делает концепт > МОСКВА < уникальным, не подчиняющимся общим тенденциям.

4 Для категории ПРОСТРАНСТВА С (ЧЕТКИМИ) ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ ГРАНИЦАМИ ▶ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] салиентными оказываются признаки «частичной замкнутости», «большой протяженности» и наличие/отсутствие «вертикальности». Такие ландшафт-

ные локумы, как *лес, тайга, степь, тундра, пустыня* обладают, по мнению Селиверстовой, очень характерным именно для них природным миром со своей флорой и фауной, со своим воздухом и запахами. Такое видение определяет представление их денотатов как многомерных объектов и, следовательно, нахождение там означает нахождение внутри (Селиверстова 2000: 197).⁵³ Важно подчеркнуть, что данные фрагменты пространства хотя бы в прототипических представлениях являются гомогенными, качественно однородными: в пустыне везде песок, в лесу или тайге – деревья, в степи – травы и т.д. Каждый участок или сегмент такого пространства равен остальным по своим характеристикам. Поэтому внимание направлено не столько на внутреннее пространство локума, сколько на его границы, за которыми начинается качественно иное пространство. Ср.: *на краю леса/степи/пустыни*.

Таким образом, «гомогенность» является еще одним признаком данной категории. (Ср., например: *на Кавказ(-е), на Урал(-е), на Дальний(-ем) Восток(-е)* и т.д., где отсутствие признака «гомогенность» ведет к совершенно иной концептуализации. См. подробно об этом в 3.4.2.)

Отграниченность от других типов пространства выступает в паре с фактором наличия/отсутствия (высокой) растительности, поэтому все локумы можно разделить на две группы в зависимости от наличия/отсутствия признака «вертикальность».

В подкатегорию 1 входят *лес/бор, роща, тайга, джунгли*, где наличие высокой растительности поддерживает идею проекции вверх, тем самым профилируя вертикальность. Ср.: *стена леса, лес стоял стеной*.

В подкатегорию 2 объединены *степь, дюны, тундра, пустыня, саванна, прерия* с присущей им «двухмерностью»:

- (44) ... в лесу [...] или в тундре волк производит [...] особое впечатление. (Акимушкин)
- (45) То ль ее везти мне в город, то ль в тайге остаться мне. (Ошанин)
- (46) В пустыне ходит злобный Роммель. («Известия», сентябрь 2001 – Rc)
- (47) ... мы построили в дюнах шалаш из ивовых веток... (Соколов – Rc)

Идея «глубины» и «нахождения внутри» поддерживает представления о «трехмерности» данных локумов:

- (48) И *внутри леса*, и на опушке мы много ходили, но зайцев не было нигде... (Пришвин – Rc)
- (49) Затерянный *в глубине степи* хутор одним своим видом вызывал у него раздражение... (Ким)

Отметим, что представления о полной замкнутости гораздо четче выражены у локумов подкатегории 1. Об этом свидетельствует, например, и сингармонизм приставки *в-* и предлога В.⁵⁴ Так, можно сказать *въехать в лес*, но не *въехать в степь. Правильным будет *выехать в степь*. Данное наблюдение подтверждается и в ситуациях перехода из одного фрагмента пространства в другой:

- (50) ... только, когда вышел *из леса в поле*, настигла меня ночь.
(Коваль – Rc)

Как правильно отмечает Апресян, глагол *выйти* может употребляться только тогда, когда подчеркивается перемещение из более замкнутого пространства в более открытое (Апресян 1995: 491). Так, *лес*, *роща* или *тайга* видятся нам как пространства с более ограниченными возможностями передвижения и обозреваемости, с меньшим количеством входов и выходов, по сравнению, допустим, с *полем* или *степью*. И поэтому не возможно **выйти из степи в лес*.

Представляется, что идея вместиллица может актуализироваться еще и благодаря особому переживанию человеком этих участков пространства, когда их обширность обостряет ощущение полной поглощенности в этом пространстве. Незря мы говорим: *бескрайняя степь/ тайга, бесконечная пустыня/ тундра* и т.д.

Несколько особняком в этом ряду стоят *долина* и *лощина*, но и для них наличие четких естественных вертикальных (цепь гор) или горизонтальных (береговая линия водных бассейнов) границ играет определяющую для типа концептуализации роль:

- (51) ... дым весь пал в долину и все застелил. (Пришвин)
 (52) Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. (Грин)

Графически подкатегории 1 и 2 можно представить следующим образом:

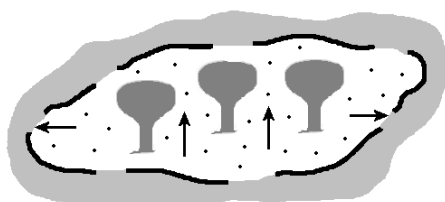

Схема 10. [ЛЕС]

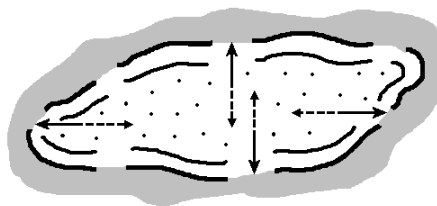

Схема 11. [ПУСТЫНЯ/СТЕПЬ]

Как видим, на схеме 10 в маркированное точечной штриховкой ограниченное пространство включена растительность (подкатегория 1). Идею отсутствия резко очерченных границ у подкатегории 2 мы попытались передать двойной прерывистой линией на схеме 11, где сплошными стрелками обозначено направление основного внимания на границы гомогенного локума, а пунктирными – направление потенциального внимания на внутреннее обширное пространство, связанное с ощущением поглощенности и отсутствием контроля.

Как показывает материал, в ситуации контакта с (возвышающейся) поверхностью может спорадически возникнуть предлог НА. Ср. с примерами (11) и (12):

- (53) Я живу в маленьком доме на дюнах. (Паустовский – Rc)
 (54) Там, под Батайском, трупов будет лежать на степи, как птиц перед отлетом. (Шагинян – Rc)

5 «Частичная замкнутость/ограниченность» и «двухмерность» являются ведущими когнитивными признаками для локумов, входящих в категорию:

▪ ОГРАНИЧЕННЫЕ СУШЕЙ УЧАСТКИ ВОДНОГО ПРОСТРАНСТВА ▸ [ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША] (залив, пролив, бухта, лагуна, заводь, устье, порт/гавань):

- (55) Ко времени первого прибытия круизного лайнера в залив Гавана в порту был [...] открыт новый терминал... («Коммерсантъ-Daily», январь 1996 – Rc)
- (56) А потом в гавани причалил очередной корабль... (Семенова – Rc)
- (57) ... но чаще возвращается к берегу, в заводь, и булькает там, в тихой парной водице... (Астафьев – Rc)

Ограниченность у локумов данной категории является частичной. Как правило, они разомкнуты с одной, иногда с двух сторон (например, *пролив*). На схеме 12 внутреннее профилируемое пространство отмечено точечной штриховкой:

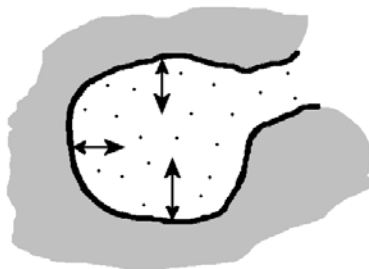

Схема 12. [ЗАЛИВ/БУХТА]

3.4.2 Поверхностный тип концептуализации

Все категории поверхностного типа концептуализации можно разделить на две большие группы. В первую входят категории, объединяющие гомогенные локумы-плоскости, для которых характерны признаки «замкнутость/ограниченность» и «контакт с несущей поверхностью». В другую большую группу входят категории, объединенные более абстрактными признаками «гетерогенности» и «стягивания разнородных элементов пространства вокруг некоего ориентира».

1 В группе гомогенных локумов-плоскостей с характерными для них признаками «замкнутость/ограниченность» и потенциальный «контакт с несущей поверхностью» можно выделить следующие категории:

■ ВОЗВЫШЕННЫЕ УЧАСТКИ ПОВЕРХНОСТИ (ОКРУЖЕННЫЕ ВОДОЙ) ▶
[ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ] (континент/материк, (полу)остров, коса, мыс; гора, утес, холм, косогор, кряж, пригорок и т.д.):

- (58) Там пробуду недели три-четыре и вернусь на континент.
(Вергинская – Rc)
- (59) ... недалеко от города, на острове находится старинный монастырь...
(Архипова – Rc)
- (60) Отпуск, веселый берег, чайки над кормой, маяк на мысе... («Биржа плюс свой дом», сентябрь 2002 – Rc)
- (61) Зато за речкой, на холме, веселье разрасталось и уже начало растекаться по садам и закоулкам Ольвии. (Астафьев – Rc)
- (62) ... рассыпанные на косогоре несколько домиков, ферма, кучи угля и цистерна на берегу... (Голованов – Rc)

Как видим, в данную категорию входят два ряда локумов, объединенных представлениями о некоторой, зачастую ограниченной возвышающейся над остальным пространством поверхности, которая служит одновременно основанием и функциональной опорой для локализуемых объектов (см. примеры). Внимание направлено не столько на границы, сколько на несущую поверхность.

Для таких локумов, как *гора, утес, холм* и т.д. признак «проекция вверх/вертикальность» играет крайне важную роль, позволяя им не только служить функциональной опорой, но, возвышаясь, осуществлять контроль над окружающей территорией.

Для таких объектов, как *континент* или *(полу)остров*, важна идея окруженности (значительного) участка земной поверхности водой, т.е. идея полной огороженности и «самости». ⁵⁵ Поэтому не совсем понятно, почему

Cienki считает, что острова, например, представляют собой неограниченные поверхности (unbounded surface) (Cienki 1989: 81).

Графически идеализированный образ можно представить так:

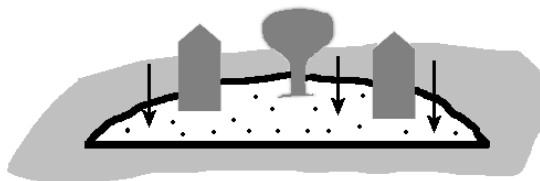

Схема 13. [ОСТРОВ/ХОЛМ]

Интерпретация и языковая репрезентация такого локума, как *(полу)остров*, оказывается гораздо сложнее, чем это можно было бы ожидать, поскольку он обладает не только несущей поверхностью, но и визуальными границами, глубиной (ср. *в глубине острова*) и идеей «самости» (ср. *островной менталитет*).

Отметим, что в русском языке репрезентация данного локума полностью переосмыслена за последние два века. Еще Барсов в своей грамматике отмечал, что большие острова-государства должны употребляться с предлогом В, а малые – с НА. Вариативность предлогов при *остров* и *полуостров* прослеживается на протяжении всего XIX и даже начала XX века. Ср.:

- (63) Он знал, что в острове были прибылые (молодые) и матерые (старые) волки... (Л. Толстой – Rc)
 (64) Дику обещана чудная служба в Аляске... (Набоков)

И до сих пор даже в норме колебания до конца не исчезли. Так, например, острова *Сицилия* и *Сардиния* регулярно встречаются с обоими предлогами:

- (65a) Налог на имущество с недвижимости в Сицилии взимается с физических лиц... (Интернет)
 (65б) И, конечно же, отдых на Сицилии – это великолепное море, чистое, спокойное... (Интернет)

- (66а) Компания Олега Дерипаски купила акции глиноземного завода, расположенного в Сардинии. (Интернет)
- (66б) ... от нового закона пострадает премьер-министр Сильвио Берлускони, у которого на Сардинии сразу семь вилл. (Интернет)

Употребление предлога В наиболее часто встречается в контекстах, подчеркивающих политико-административную целостность островов (примеры (65а) и (66а)). Вариативность, на наш взгляд, объясняется тем, что *Сицилия* и *Сардиния* вошли в понятийную сферу русского языка в первую очередь не как географические единицы, а как политико-административные сущности. Так же, как и *Крым*, *Япония* или *Англия*, они ассоциируются прежде всего с пространствами, в которых подчеркиваются их политико-географическое и экономическое единство.⁵⁶ В противоположность этому, *Аляска* или *Камчатка* никогда не являлись независимыми политико-административными единицами (см. примеры (64) и (3а)), и поэтому окончательное утверждение здесь предлога НА вполне логично.

Итак, выбор предлога при *остров* и *полуостров* определяется, на наш взгляд, следующими факторами:

- *пространственные параметры*:
  - размеры (полу)острова крайне велики; здесь играет заметную роль идея поглощенности пространством, отсутствия контроля и опоры ➤ предлог В (*в Гренландии, в Скандинавии*);⁵⁷
  - размеры (полу)острова малы, вне зависимости от политико-административного статуса; важен контроль над территорией и обозримость границ ➤ предлог НА (*на Кубе*,⁵⁸ *на Кипре, на Майорке, на Сахалине*);⁵⁹
- *характер и природа границ*:
  - географические границы (полу)острова совпадают с политико-административными границами государств(а); в понятийную сферу русского языка попал прежде всего как государство ➤ предлог В (*в Исландии, в Крыму*);

- географические границы совокупности островов совпадают с политико-административными границами государств(а) (апеллятив стоит в единственном числе) ➤ предлог В (*в Японии, в Новой Зеландии*);
- географические границы полуострова или совокупности островов совпадают с политико-административными границами государств(а), профилируется собирание частей в единое целое (апеллятив стоит во множественном числе) ➤ предлог НА (*на Балканах, на Сейшелах, на Филиппинах*);
- соотношение «часть – целое»:
- (полу)остров является частью целого ➤ предлог НА (*на Камчатке, на Аляске, на Яве, на Бали*).

Приведем несколько примеров:

- (67) В настоящее время встречается только в Гренландии... (Обручев – Rc)
- (68) В детстве был на Аляске, на Курильских островах, даже в Японии. (В. Некрасов – Rc)
- (69) Мы приглашаем любителей путешествий отдохнуть в Тайланде, на Бали, в Мексике, на Сейшелах и на Кубе. («Вечерняя Москва», декабрь 2002 – Rc)
- (70) Встречается также на Алтае [...] на Камчатке [...] и на Чукотке. («Семейный доктор», 2003 – Rc)

Как оказывается, размеры, границы и способ собирания частей пространства в единое целое (как целое, как собрание частей, как часть целого) определяют выбор предлога не только в русском, но и в других европейских языках, хотя соотношение здесь разное.

Так, *остров* и *полуостров* больших размеров, а также собрание островов, совпадающих в своих границах с независимым государством, в голландском, немецком или английском языках, так же, как и в русском, видятся как некая политико-административная сущность: гол. *in Nieuw-Zeeland, in Groenland, in Japan*;⁶⁰ нем. *in Neuseeland, in Grönland, in Japan*; англ. *in New Zealand, in Greenland, in Japan* (соответственно: ‘в Новой Зеландии’, ‘в Гренландии’, ‘в Японии’).

Когда же речь идет об островном государстве небольших размеров, то английский профилирует идею «самости»: *in Cuba* ‘на Кубе’ (см. Leech, Svartvik 1999: 95), а голландский и немецкий на ряду с этим могут актуализировать и «контакт/взаимодействие с поверхностью»: гол. *in/op Cuba*; нем. *in/auf Kuba*.

Если имеется в виду часть суверенного государства, возможно употребление обоих предлогов: нем. *in/auf Sizilien, in/auf Ibiza*; англ. *in/on Sicily, in/on Jamaica* (соответственно: ‘на Сицилии’, ‘на Ибисе’, ‘на Ямайке’). Голландский тяготеет к употреблению коррелята НА: *op Ibiza, op Jamaica* (‘на Ибисе’, ‘на Ямайке’).

Государства-архипелаги встречаются в голландском и немецком языках с обоими предлогами, хотя голландский предпочитает коррелят НА: гол. *in/op de Filippijnen*, но *op de Azoren*; нем. *in/auf den Philippinen, in/auf den Azoren* (соответственно: ‘на Филиппинах’, ‘на Азорах’).

Полуострова могут сочетаться или с коррелятом В (без артикля), или с коррелятом НА (с артиклем): гол. *in Alaska*, но *op de Balkan*; нем. *in Alaska*, но *auf dem Balkan* (соответственно: ‘на Аляске’, ‘на Балканах’).

В английском же языке сохраняется представление об ограниченности пространства, его «самости», поэтому употребляется исключительно *in: in the Philippines, in Alaska, in the Balkans* (‘на Филиппинах’, ‘на Аляске’, ‘на Балканах’). Таким образом, в представлениях о *(полу)острове* здесь доминирует идея визуальной «ограниченности» в пространстве, в то время как «контакт/взаимодействие с поверхностью» оказывается второстепенным.

Когнитивные признаки «контакт с несущей поверхностью», «частичная замкнутость/ограниченность», «малая протяженность» и «двухмерность» оказываются существенными для категорий:

- УЧАСТКИ ПОВЕРХНОСТИ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ЛАНДШАФТОМ ▶
[ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ] (луг, поляна, равнина, опушка, пустырь):

(71) А младшая тосковала и просилась на луг, за речку, рвать цветы.
(Петкевич – Rc)

(72) Поднявшись, я вышел на поляну и увидел его спину... (Коваль – Rc)

▪ **УЧАСТКИ ПОВЕРХНОСТИ, ОБУСТРОЕННЫЕ ЧЕЛОВЕКОМ** ▶ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] (пашня, плантация, бахча, виноградник, пастбище, выгон; площадь, рынок, ярмарка, кладбище, стадион,⁶¹ терраса, стоянка, остановка, арена, площадка, каток, перекресток и др.):

(73) И вспомнились далекие трудные годы [...] непосильная недетская работа на пашне... (Шукшин – Rc)

(74) Вокруг куча детей, на пастбище пасутся отменные лошади... («Домовой», май 2002 – Rc)

(75) ... не ступит нога чужеземца на эту площадь... (Гончар)

(76) Накануне я всегда ездила на рынок... (Красавицкая)

(77) ... я захожу к Лиле, мы идем с ней на каток... (Казаков)

(78) ... мы ужинали на террасе, а потом шли их провожать. (Спивакова – Rc)

При сопоставлении объектов данных двух категорий между собой становится очевидным, что все они суть небольшие участки земной поверхности, обусловленные природным ландшафтом или созданные и обустроенные человеком. Следующие факторы влияют на выбор предлога НА:

- *контроль*: именно малые размеры этих локумов дают возможность человеку хорошо обозревать и контролировать данные фрагменты пространства;
- *функциональное взаимодействие с плоскостью-опорой*: важную роль играет и идея функционального взаимодействия человека с плоскостью-опорой, на которой развертываются разные виды деятельности: на лугу пасут скот или косят сено, на пашне или бахче занимаются выращиванием сельскохозяйственных продуктов, на рынке и ярмарке торгуют, на кладбище хоронят, на катке катаются или играют в хоккей и т.д.;⁶²
- *распределение объектов по плоскости-опоре*: рассеянное расположение различных предметов по поверхности и собирание их в единое целое –

третий важнейший фактор при осмыслении данных локумов (см. также Селиверстова 2000: 200).

Поэтому, учитывая все выше сказанное, выражение **лошадь в огороженном пастбище*, приведенное в работе Пола (1995: 200), не может считаться допустимым при всем том, что *пастбище* иногда действительно представляет собой огороженный участок поверхности.

Графически локумы данных категорий можно представить двумя схемами:

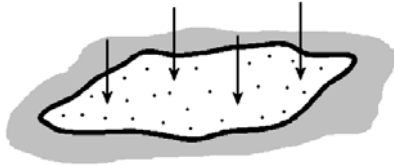

Схема 14. [ЛУГ]

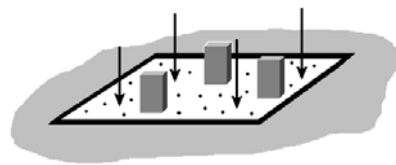

Схема 15. [РЫНОК]

«Контакт с несущей поверхностью» в сочетании с признаком «частичная замкнутость/ограниченность» важны для категории:

- ПОЛОСКА ЗЕМЛИ ▶ [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ] (дорога с различными модификациями: тропа, шоссе, автотрасса, магистраль и т.п.; берег/побережье, пляж, набережная, пристань, проспект, бульвар, перрон и др.):⁶³

- (79) И вот мы снова на пыльной дороге, в степи... (Чуковский)
- (80) Сотни человек толкуются на берегу, орут новые песни...
(Приставкин)
- (81) Витька и Сашка ушли на пляж, где их ждали Катя и Женя. (Балтер)
- (82) Алеша выходит на набережную, засаженную всем, что растет в этих краях... (Распутин – Rс)
- (83) В центре города, на Кировском проспекте [...] где живу. (Гранин)
- (84) ... там долго под мокрым снегом ждали на платформе следующего местного поезда... (Варламов – Rс)

Данные локумы, будучи ограничены в ширине, не имеют релевантных ограничений в протяженности, что частично размыкает их в простран-

стве. Предположение о том, что для таких локумов, как *пляж, берег, набережная, пристань* и т.д., релевантна идея возвышения над водой, вполне возможно, однако ничего не добавляет к признаку ограниченности вдоль протяженной линии локума, который, как нам представляется, является в данном случае салиентным для осмысления всего пространственного объекта в целом.

Графически идеализированный образ можно представить так:

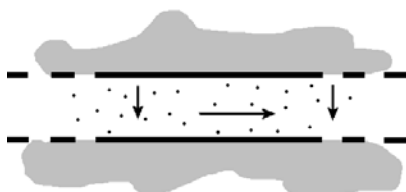

Схема 16. [ДОРОГА]

где стрелки указывают на контакт с несущей плоскостью-опорой.

«Контакт с несущей поверхностью» и «уровневость» являются доминантными у категории:

■ ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ ВЕРТИКАЛЬНОГО ОБЪЕКТА ▸ [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ]
(чердак, вышка, маяк, колокольня, голубятня):

(85) ... обнаружив забытую на чердаке рябину [...] я опять решил про себя... (Яшин)

(86) ... на маяке зажгли огонь. (Казаков – Rc)

(87) Да и то – не так-то сие просто, это ж на колокольню надо лезть... («Криминальная хроника», июнь 2003 – Rc)

Как представляется, дело в том, что здесь подчеркивается, как и в некоторых других европейских языках, идея уровней и проекции вверх, что и обуславливает употребление предлога НА.⁶⁴ Поэтому выражения **птица в дереве* (Śienki 1989: 70) или **белка сидит в дереве* (Poła 1995: 196), абсолютно недопустимы, поскольку *дерево* входит в этот же концептуальный ряд (вер-

тикальный объект, контакт с которым осуществляется прежде всего в верхней его части), а не осмысляется как некий замкнутый объем с кроной и листьями, что, как считают, характерно, например, для английского языка.

Таким образом, вертикальный объект, в частности строение, в русском языке делится как бы на два сегмента, и их концептуальное различие довольно последовательно проводится в предложениях: нижний ярус (предлог В) и верхний ярус (предлог НА).

Графически представим это так:

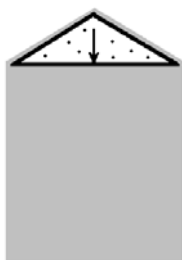

Схема 17. [ЧЕРДАК]

2 В другую большую группу входят категории, объединенные более абстрактными признаками «гетерогенности» и «стягивания разнородных элементов пространства вокруг некоего ориентира». Гетерогенный локум состоит из двух ведущих элементов: ориентир, которым может являться любой локальный объект, и окружающее пространство-поверхность, вбирающее в себя данный ориентир и оказывающееся ведущим, когда речь идет о концептуализации локума в целом. Именно подобная разнородность затрудняет схематическое представление идеализированного образа данных пространственных объектов.

В зависимости от того, что собой представляет ориентир, мы выделяем следующие категории:

- ВОДОЕМЫ С ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИЕЙ ▶ [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ] (море, озеро, река, канал, пруд, болото, водопад и др.):

(88) ... шли с ним на озеро или в лес. (Варламов – Rc)

(89) Он жил на канале Грибоедова... (Андронников)

(90) Где-то на болотах кричали журавли. (Носов)

Речь, как видим, идет здесь не о самом водном бассейне, в который можно погружаться или на водной поверхности которого можно находиться, а о комплексном локуме, состоящем из водного ориентира и окружающей и вбирающей его поверхности, контакт с которой оказывается решающим для отнесения этих локальных концептов к поверхностному типу.⁶⁵

▪ (КОМПЛЕКСНЫЕ) СООРУЖЕНИЯ С ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИЕЙ ▶
[СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ] (завод, фабрика, комбинат, киностудия, рудник, база, курорт, вокзал, станция, аэродром, мельница,⁶⁶ пасека; а также ферма, хутор,⁶⁷ дача,⁶⁸ вилла):

(91) Окраинные старожилы шли на завод. (Саянов)

(92) Зато хорошо, что брат заправляет гримом на киностудии... («Биржа плюс свой дом», октябрь 2002 – Rc)

(93) Днём на станции их собирали, подсчитывали... (Астафьев – Rc)

(94) Когда мы подъехали на вокзал, оркестранты уже были в поезде.
(Спивакова – Rc)

(95) ... мы перелетели на аэродром, расположенный в восьми километрах от реки Нейсе... (Шевчук)

(96) Мужички тащат хлеб на мельницу... (Никитин)

(97) ... а она неизменно торит свою тропку на ферму... (Айтматов)

(98) Например, нас покорила *sad руин* на вилле Афтон в Луизиане.
(«Homes & Gardens», 2002 – Rc)

Селиверстова (2000: 200-201), пытаясь обосновать выбор предлога НА, сравнивает *завод* и *фабрику* с мануфактурами, образ которых поддерживается, по ее мнению, самой формой цеха – площадкой, на которой расставлены станки. Однако, как отмечает сама автор, данный образ вряд ли является «живым», а значит рассматриваемое употребление носит конвенциональный характер. На наш взгляд, употребление здесь предлога НА под-

черкивает взаимодействие с пространством, состоящим минимально из некоего строения и окружающей его территории, которые функционально взаимосвязаны. Их нельзя отделить друг от друга, не разрушив при этом целостности ментального представления о локуме. Поэтому вполне допустимы выражения *территория и сооружения завода/базы*, поскольку *завод* или *база*, состоят не только из комплекса различных построек, складов и других помещений, но и территории, на которой все это располагается (см. также Астафьева 1974: 28). Рассосредоточенные элементы собираются в единое целое именно поверхностью-опорой. Однако нельзя сказать *территория и сооружения кинотеатра/парикмахерской*, так как эти локумы не соотносятся в нашем сознании с некоторым земельным участком, который их окружает и вбирает в себя.

Подобное явление мы встречаем и в польском языке, где предлог *na* подчеркивает комплексность и функциональность: *na dworcu* ('на вокзале'), *na lotnisku* ('на аэродроме') (Cienki 1989: 82-83).

Однако некоторая двойственность в интерпретации подобных локумов не исключена вовсе. Если из всего комплекса профилируется только строение, возможен предлог *В*:

- (99) Свет зажгут в фабрике. ... (Архив Хельсинского университета – Rc)
- (100) ... такой бравый парень будет хорошей поддержкой на пробах в киностудии, куда она собиралась. («Амурский Меридиан», декабрь 2004 – Rc)
- (101) В роскошной вилле фрау Мендель Эйнштейн часто оставался на ночь. (Бояринцев)
- (102) Причем в самом вокзале я находился не более сорока минут, а остальное время [...] пребывал *на перроне*. («Богатей», март 2003 – Rc)

Логично, что свет зажигают в здании фабрики, пробы проводят в помещении киностудии, а ночуют в самом доме виллы. В примере (102) здание вокзала (закрытое пространство) противопоставляется перрону (ограниченной полоске открытой поверхности).

В следующих двух категориях наряду с «гетерогенностью» важны и признаки «большая протяженность» и «размытость границ»:

- ПРИРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА (БЕЗ ЧЕТКИХ ГРАНИЦ) ▶ [ПРИРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (обширные пространства с географическими ориентирами, как-то: части света, горы, плато и т.д.):

(103) Неузнаваемо изменилась на далеком Севере и самая жизнь.

(Соколов-Микитов)

(104) Я поеду теперь на Дальний Восток... (Ажаев)

(105) ... и папа приедет с делегацией на Алтай... (Драгунский)

(106) Я попала в автомобильную катастрофу на Кавказе. (Улицкая – Rc)

Данные пространственные объекты состоят из различных элементов, организуемых, однако, одним ориентиром. *Урал*, *Алтай* или *Кавказ*, например, – это не только горы, но и леса, степная зона, реки, города и селения. Это большая географически-административная область (ср.: *уездный город на Урале*), объединенная в единое целое, в данном случае, горным массивом. Однако именно плоскость-опора собирает рассеянные по поверхности различные объекты.

В то же время, как только *горы*, *поля*, *леса*, *доны* попадают в фокус внимания, оказываются не только одним их организующих пространство ориентиров, но самодовлеющими и самодостаточными фрагментами с присущими им атрибутами, каждый сегмент которых по своим характеристикам равен остальным, внимание носителя языка сразу перемещается на «объемность» локума, и тогда весь физический объект видится как вместилище:⁶⁹

(107) В горах зори холодные. (Бабаевский)

(108) В лугах, полях, лесах и рощах – всюду пробуждалась жизнь.⁷⁰

Укрупнение объема в русском языке выражается зачастую множественным числом. Поэтому логично, что названия горных систем во множественном числе всегда сочетаются с предлогом В: например, *в Альпы(-ах)*, *в Гималаи*

(-ях), в *Карпаты*(-ах).

Селиверстова, рассуждая по поводу концептуализации гор и холмов, говорит о конвенциональных употреблениях, которые не абсолютно произвольны:

Так, например, если место нахождения (Y) некоторого объекта (X) характеризуется наличием впадин и выпуклостей (горы, холмы и т.п.), то появляется потенциальная возможность «увидеть» ситуацию, с одной стороны, как нахождение X-а на поверхности Y-а и, следовательно, описать ее через предлоги типа *на, sur, on*, а с другой стороны – как нахождение внутри объемного слоя, создаваемого чередованием впадин и выпуклостей, и, следовательно, описывать ситуацию через предлоги *в, dans, in*... Например, русск. *в горах*, но: *на холмах; на Урале, на Кавказе*... (Селиверстова 2002: 25)

Конвенциональность употреблений, как нам кажется, ничего не проясняет в данном вопросе. Предлог НА в *на Урале, на Кавказе* никак не связан с нахождением X-а на поверхности Y-а, а мотивирован скорее гетерогенностью данных локумов, состоящих из качественно различных элементов, объединенных неким ориентиром и стянутых поверхностью в единое целое.

Однако фокус внимания может переключаться с объема на поверхность склонов и вершины, что объясняет спорадическое употребление предлога НА:

(109) Изменения были связаны с тем, что на Восточных Саянах планировалась стройка новой железной дороги. (Астафьев – Rc)

(110) Стройка огромная [...] на Хибинах... (Вернадский – Rc)

Подобные примеры крайне редки. Исключением здесь являются *Карпаты*, которые достаточно регулярно мыслятся как целая этно-политико-географическая зона/область (по типу *Урала* или *Кавказа*), а не только как горный массив:

(111) Не может быть [...] чтобы на Карпатах полудикий певец написал поэму о пограничной стычке давно забытого князя... (Анчаров – Rc)

Интересно, что в русском языковом сознании объект *холмы* также начинает встраиваться в ассоциативный ряд с большими участками однородного пространства, несмотря на то, что вертикальная проекция здесь реализована слабо (по сравнению с *горами* или *лесами*), а контакт с возвышающейся поверхностью в сочетании с обозреваемостью окружающего пространства и контролем над территорией, наоборот, представлен хорошо (ср. с *равниной* или *возвышенностью*):

(112а) Стоит также напомнить, что Сочи стоит на холмах и небольших горах... («Строительство», 2004 – Rc)

(112б) ... выстрел его был гулок и кругл, и далеко в холмах покатилося такое же круглое эхо... (Казаков – Rc)

(112в) На равнине или в холмах боевое охранение опаснее... («Знамя», 1998 – Rc)

В примерах (112б) и (112в) именно склоны холмов (т.е. вертикальное измерение) релевантны для интерпретации всего локума.

▪ ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА (БЕЗ ЧЕТКИХ ГРАНИЦ) ▶ [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] (различные этнические области без четких политико-административных границ, как-то Русь, Вошьнь, Смоленщина, Брянщина и т.д.):

(113) На Руси, кстати, издавна принято измерять уровень культуры количеством прочитанных книг... (Белянко, Трушина)

(114) Основали десятки колоний в Поволжье, в Причерноморье, на Вошьни. («Жизнь национальностей», 2001 – Rc)

(115) Он даже не знал, что Кутузов когда-то на Смоленщине владел именем. («Наш современник», 2004 – Rc)

(116) Фестиваль проходит в дни празднования Победы над фашизмом, от которого пострадала каждая семья на Брянщине. («Народное творчество», 2004 – Rc)

В данной категории не географические ориентиры объединяют прост-

ранство в единое целое, а этнический фактор. *Русь, Волынь, Смоленщина, Черниговщина* или *Брянщина* являются не столько обширными областями с четкими территориально-административными границами, сколько фрагментами пространства, заселенными людьми, представляющими собой некую этническую, историческую, культурную и языковую общность. Так, до сих пор в новгородских диалектах мы встречаем выражения *выходить на русь, сказать на русь*, где *русь* понимается как собрание людей, близких носителю языка по месту обитания, языку, привычкам и т.д.

Не менее важно и то, что *Русь, Украина, Волынь*, территории-соседи, в сознании человека видятся как давно освоенные «миры». Предлоги В и НА, таким образом, могут выражать еще и оппозицию «свое ↔ чужое», «знакомое ↔ незнакомое» именно потому, что НА, как мы выяснили, ассоциируется с обозримостью поверхности, а В – с замкнутостью, отделенностью, самостью. То же мы встречаем, например, и в польском языке: соседние по отношению к Польше страны сочетаются с предлогом *na*: *na Białorusi* ‘в Белорусии’, *na Węgrzech* ‘в Венгрии’, *na Litwie* ‘в Литве’.

Заметим однако, что спорадическое употребление предлога В при *Русь* и *Волынь* не исключено:

- (117) Мужики на все лето в Русь, к морским пристаням... (Шергин – Rc)
 (118) Он увидел ее в первый раз [...] в доме ее родителей, где он остановился, направляясь на маневры в Волынь. (Чулков – Rc)

Интересно проследить некоторую эволюцию в представлениях о *Руси* и *Украине*. Если *Русь* проделала путь от суверенного (средневекового) государства⁷¹ (поэтому употреблялся предлог В) к (современному) обширному пространству с размытыми границами, населенному этническими русскими, со своей культурой, обрядовостью и т.д. (и поэтому предлог НА), то *Украина* переживает эволюцию в прямо противоположном направлении (о чем речь в разделе 3.6.2).

3.5 Постоянная вариативность предлогов В и НА при некоторых локумах

Было бы неверным утверждать, что в синхронии современного русского языка все укладывается в выше описанные категории. Как мы уже отмечали, за рамками кодифицированного языка выбор салиентных признаков у локальных концептов не столь жестко определен, а это влияет и на языковое выражение локативных отношений. Но даже в нормативном узусе есть ограниченное количество локумов, которые в зависимости от когнитивной ситуации и фокуса внимания могут ассоциироваться то с местами, то с плоскостями-опорами. Важно подчеркнуть, что все они относятся к максимально освоенному и обжитому пространству.

1 Наш анализ мы начнем с локумов *квартира*⁷² и *этаж*, которые по логике вещей должны были бы однозначно относиться к категории контейнерного типа [ПОМЕЩЕНИЕ]. Однако их двойственная интерпретация влияет и на выбор предлога.

■ Во-первых, *квартира* представляет собой некое изолированное помещение в доме с присущими ему характеристиками (высота, площадь, количество комнат, планировка). Так, мы говорим *войти в квартиру*, *в просторной квартире*, *в квартире пять комнат*, *сделать ремонт в квартире* и т.д., поскольку для нас оказывается наиболее релевантным замкнутость квартиры как местопомещения.

Во-вторых, *квартира* может просто ассоциироваться с некоторым местом обитания человека, выступать только в качестве фона, а не определенного сегмента строения, для которого существенны пространственные характеристики. Тогда недопустимыми оказываются выражения **на просторной квартире*, **на квартире пять комнат* и т.д.

Предлог НА указывает в этом случае или на временность пребывания человека в данном пространстве (*жить на частной квартире*, *остановиться на квартире*), или на особую связь человека с этим пространством. В этом случае важным становится указание на принадлежность, что правильно

отмечают Всеволодова и Паршукова (1968: 70).⁷³

(119) У меня на квартире никто охраны не выставлял. («Известия», июнь 2002 – Rc)

(120) Встретились они на квартире у бабушкиной подруги Ляльки... (Муравьева – Rc)

С подобными представлениями мы сталкиваемся и в выражении *на дам(-)у*, что значит ‘в своем пространстве, у себя’.

▪ Говоря о локуме *этаж*, отметим, что, во-первых, *этаж* может видеться как некий замкнутый, ограниченный сегмент здания-строения:

(121) Наша комната находилась в первом этаже... (Катаев – Rc)

(122) Над ними во втором этаже две спальни. («Звезда», 2002 – Rc)

А во-вторых, *этаж* можно интерпретировать как некий уровень здания, состоящего из отдельных квартир, помещений и т.д. В этом случае профилируется не столько ограниченность, сколько уровневость:⁷⁴

(123) Внизу, на первом этаже, слышались мягкие шаги и мурлыканье. (Токарева – Rc)

(124) Часовня расположена на втором этаже аэропорта «Домодедово» в общедоступной зоне... («Известия», август 2001 – Rc)

Таким образом, колебания в выборе предлогов объясняются двойственной интерпретацией самого локума *этаж*. Вариативность в выборе В и НА отмечалась уже в первой трети XIX века при господствовавшем, однако, предлоге В (Виноградов, Шведова 1964: 86), который к концу XIX века постепенно начал вытесняться НА, но не исчез совсем, что подтверждается и анализом *Национального корпуса русского языка* (например, *в первом этаже* встречено 95 раз, а *на первом этаже* – 633).

Предлоги В и НА, как мы помним, связаны также с противопоставлением «верх ↔ низ»: НА – это ‘на возвышенности’, а В – ‘в глубине, внизу’. Поэтому вполне логично, что самый нижний уровень будет сочетаться с В:

- (125) В цокольном этаже – все необходимое для Андрея... («Homes & Gardens», 2004 – Rc)

Нижний этаж в силу некоей двусмысленности (не верхний; тот, который внизу) встречается с обоими предлогами. Однако просмотр контекстов *Национального корпуса русского языка* указывает на преимущественное употребление предлога В (соотношение В и НА > 175 : 30):

- (126) Съестные припасы хранятся в нижнем этаже. (Соколов-Микитов – Rc)

2 В категории [СТРОЕНИЕ] особое место занимают *конюшня, пекарня, склад* и *шахта*, которые, с одной стороны, могут отождествляться с самим помещением для лошадей, выпекания хлеба, хранения товаров или добывания угля:

- (127) На следующий день [...] я направился в конюшню. (Зильберт – Rc)
 (128) В складе он пробыл не очень долго – дверь оставил распахнутой... (Екимов – Rc)
 (129) На мельнице станут молотить муку, а в пекарне – печь хлеб для жителей деревни. («Столица», апрель 1997 – Rc)
 (130) Последнее время, после всех этих аварий, он стал побаиваться спускаться в шахту.

С другой стороны, данные локумы могут интерпретироваться или как комплекс построек, находящихся на некоторой территории (ср. с *заводом*):

- (131) Ну и она сдержала слово – в первый же день на ночь осталась на пекарне. (Абрамов – Rc)
 (132) К моменту вступления Виктора Кормана в должность на складе томилась в ожидании потребителя 1700 автомобилей. («Уральский автомобиль», январь 2004 – Rc),

или как некий фон, сцена, на которой разворачивается действие:

- (133) Он привел сына на конюшню и хорошенько выпорол розгами... (Ушакова)

(134) Хлеб воровали на пекарне. (Жженов – Rc)

(135) На шахте опять забастовки.

▪ Несколько особняком в этом ряду стоит *башня*, которая, с одной стороны, представляет собой не что иное как высотное строение-вместилище:

(136) Я вхожу в круглую башню кладовой. («Столица», апрель 1997 – Rc)

(137) На ночь замкнули в башню. (Шергин – Rc)

А с другой стороны, башня, благодаря своей проекции вверх (ср. с такими объектами, как *колокольня*, *вышка* или *голубятня*), обладает уровневостью, которая в русском языке может выражаться с помощью предлога В (нижний уровень) и предлога НА (верхний уровень). Для высотных вертикальных строений функционально нагруженным является именно верхний уровень:

(138) Люди спасались от него на этой каменной башне, а медведь, стараясь влезть на башню, царапал ее когтями. («Аргументы и факты», июнь 2001 – Rc)

3 В стандартных представлениях локумы *двор* и *огород* допускают, с одной стороны, расширение фокуса внимания, в который попадает весь локум, включая его границы, поскольку представляет собой участок поверхности, окруженный забором, оградой или стенами домов, обладающий «глубиной». ⁷⁵ Для локума *двор* возможна даже ситуация полной замкнутости, поскольку в отдельных областях России крестьянские дворы являются крытыми, находясь под одной крышей с жилыми постройками. ⁷⁶ С другой стороны, локумы *двор* и *огород* допускают сужение фокуса внимания, в который попадает только некоторый фрагмент поверхности-опоры, с которой человек или локализуемый объект вступает во взаимодействие.

▪ Поскольку в ситуации города *двор* представляет собой пространство, окруженное высокими домами, употребление предлога В наиболее характерно для горожан. Ср. описание городского двора, где как раз подчеркивается идея трехмерности:

- (139) Мы вошли во двор, похожий на *каменный колодец*... (Зиновьев – Rc)
 (140) До войны родители жили в большом московском дворе, который *со всех сторон был окружен* высокими каменными домами. (Ардюв)

Как показывает анализ *Национального корпуса русского языка* (отмечено более 100 примеров) сочетание *во дворе дома* типично для «городских» контекстов:

- (141) Неизвестные поджидали [...] Гушина во дворе его собственного дома на набережной реки Мойки. («Известия», февраль 2003 – Rc)

▪ Соответственно предлог НА должен подчеркивать контакт с поверхностью, будь то нахождение предметов на поверхности или взаимодействие с последней:⁷⁷

- (142) На дворе никого не было, если не считать *свиньи*, которая [...] *валялась* теперь в грязной луже. (Хармс – Rc)
 (143) Я приехал в деревню Кейзес, когда на дворе *новоприобретенного немцами дома бурлила работа*. («Сельская новь», 2003 –Rc)

Некоторые исследователи считают, что *на двор(-е)* гораздо употребительнее в просторечии (см. Всеволодова, Паршукова (1968: 67), с чем мы, однако, не можем согласиться. Даже при поверхностном просмотре контекстов *Национального корпуса русского языка* бросается в глаза крайняя употребительность *на двор(-е)* в различных литературных произведениях (мы отметили более 200 примеров). Но *на ...двор(-е)*, безусловно, часто встречается в крестьянской речи, когда имеется в виду крестьянское подворье или другие комплексные сооружения, ограниченные некоторой территорией: *скотный двор, постоялый двор, конный двор, псовый двор, птичий двор* и т.д.:

- (144) А туда, по-моему, они выгоняли скотину, на скотный двор, на все лето. (Беседа о Троице-Лыково, июнь 1996 – Rc)
 (145) На постоялый двор зашли, сели чай пить. (Шергин – Rc)
 (146) Те запахи, которые можно встретить на конном дворе, в цирке. («Юный натуралист», 1975 – Rc)

- Когда конкретизируются горизонтальные размеры двора, употребительнее предлог НА:

(147) Пир намечался на широком дворе, под навесом – в доме было тесно и грязно. (Юрский – Rc)

(148) А через несколько часов на просторном моховском дворе [...] уже сидели на дубах арестованные казаки. (Шолохов – Rc)

Однако возможен и В:

(149) В просторном дворе засыпанные зерном амбары, доверху забитые свежим сеном сарай и конюшни. (Осеева – Rc)

- По-иному складывается ситуация с объектом *огород*, где сложно установить закономерности употребления предлогов В и НА и интерпретаций локативных ситуаций. Ср.:

(150а) *Летом работали на огороде*, потом мать устроилась, кажется, в бане... (Масленикова – Rc)

(150б) Старшие дети Хилкова [...] собирались позвать родителей, которые *в это время работали в огороде*. («Семья», январь 2000 – Rc)

(151а) Мы [...] наоборот, старались больше в огороде *насадить*, ягоду собрать... («Сельская новь», 2003 – Rc)

(151б) На огороде снимаемого дома Владимир *возделывал* коноплю. («Богатей», ноябрь 2003 – Rc)

В примере (151а) выбор предлога В, возможно, определяется в какой-то степени идеей посадки семян и растений *в землю*.

- При всем том можно выделить некоторые тенденции. Если подчеркивается функциональное взаимодействие с поверхностью, то НА встречается все-таки чаще:

(152) ... и на огороде стали овощи убирать... (Беседа психолога, июнь 2005 – Rc)

Но если профилируется просто местонахождение, то употребительнее В:

- (153) Не могу говорить, я сейчас в огороде... («Домовой», сентябрь 2002 – Rc)
 (154) В соседском огороде, во тьме, слышимо лилась из шланга вода. (Екимов – Rc)
 (155) Далеко, то ли у пристани, то ли в прибрежных огородах жгли костер. (Шугаев)

4 Для языковой репрезентации объектов *улица* и *аллея* релевантным оказывается не только контакт с поверхностью, но и вертикальная проекция – зажатость некоторой полоски земли между домами или высокими деревьями. Размеры и удаленность вертикальных границ в этом случае становятся крайне важными.

▪ В стандартных представлениях носителей русского языка *улица* мыслится как некий протяженный, довольно широкий (чтобы пренебречь вертикальными границами – стенами домов) отрезок земной поверхности, сопоставимый с такими докумами, как *дорога*, *проспект*, *бульвар* (категория [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ]), когда функциональный контакт с несущей поверхностью оказывается центральным:

- (156) ... в Усолье, деревне на Волге, на широких улицах нет ни одного дерева. («Дружба народов», 1999 – Rc)

Иначе дело обстоит с представлениями об *узкой улице*, где вертикальное измерение (стены домов) может выступать на первый план (см. схему 8) и влиять на осмысление всего концепта:

- (157) «Жигуль» крутился, пытаясь развернуться в узкой улице. (Юрский – Rc)

Здесь узкая улица соотносима с переулком или проездом (категория [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ]), для которых признак «ограниченность» полоски дороги стенами домов оказывается доминантным. Подобное осмы-

сление, однако, не обязательно. Анализ *Национального корпуса русского языка* показывает, что предлог НА и для таких контекстов остается более привычным (на два примера с предлогом В встретилось шесть с НА).

Интересно, что вариативность в употреблении предлогов В и НА при *улица* отмечается на протяжении XVIII и XIX веков. Однако к концу XIX века употребительность конструкций с НА растет, а конструкций с В падает, хотя некоторые авторы (Гончаров, Достоевский) остаются 'верны' предлогу В (см. Виноградов, Шведова 1964: 86-87). Возможно, это связано и с изменением самого городского ландшафта, когда средневековые улочки постепенно уступали место широким улицам и проспектам, для которых идея зажатости между стенами домов отходила на задний план.

- Прямо противоположная ситуация наблюдается у локума *аллея*, который в стандартной ситуации видится как отрезок дороги между двумя рядами деревьев, образующих крону над дорогой:⁷⁸

(158) В начале этой осени, когда в аллеях, как толпа на похоронах – возбужденно и трагично, – гудят деревья... (Гуцко – Rc)

Если же подчеркивается непосредственный контакт с поверхностью, то *аллея* входит в категорию поверхностного типа [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ]:

(159) На аллеях парка лежали желтые, убитые осенью листья.

5 *Поле* также связано с двумя рядами ассоциаций, что неоднократно подчеркивалось исследователями (см. Всеволодова, Паршукова 1968: 68; Астафьева 1974: 26; Всеволодова, Владимирский 1982: 34-35; Селиверстова 2000: 197-198). Когда акцент делается на непосредственном функциональном контакте с поверхностью, *поле* мыслится в одном ряду с такими локумами, как *пашня*, *площадка* и т.д. (категория [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ]):

(160) На поле и в саду шла оживлённая спешная работа.

(161) А тут еще дружные всходы на полях... (Распутин)

- Когда же мы хотим подчеркнуть его гомогенность и противопоставленность всем иным фрагментам пространства, то тогда *поле* входит в один ассоциативный ряд с такими локумами, как *степь* или *пустыня* ([ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 2):

(162) В полях и по-за кустами чудилось какое-то движение. (Астафьев – Rc)

Частое употребление в подобных случаях множественного числа, укрупняющего этот фрагмент природного ландшафта, а также определений с идеей большой протяженности (*в широком поле, в чистом поле, в бескрайних полях*) содействуют созданию образа обширного, безграничного пространства.

- Интересны и те случаи, когда мы представляем себе *поле* как фрагмент ограниченного лесом, рекой, деревенской околицей пространства,⁷⁹ как некий объем, в котором функционирует человек без подчеркивания непосредственного взаимодействия с локумом:

(163) ... в лес посылали собирать ягоду для продажи, в поле – помогать на уборке... (Улицкая – Rc)

(164) В поле был слышен гул первого трактора в деревне.

6 Для локумов *деревня* и *село* также характерен двойной ряд ассоциаций. Как некое административно-географическое пространство, зачастую конкретизируемое топонимами, они прекрасно вписываются в контейнерную категорию [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО]:

(165) Глину чаще всего называли в деревне гнилой... («Народное творчество», 2004 – Rc)

(166) Сейчас у нас уже больше жителей, чем в селе Ключевка. («Сельская новь», 2003 – Rc)

Кроме того, подобные представления поддерживались раньше и самой действительностью: деревни и села, как правило, огораживали околицей или забором.⁸⁰ В псковских говорах до сих пор встречаем:

(167) Раньше вакрук деревни *изгарода* была и *ворота*.

Поэтому не правомерно замечание Селиверстовой (2000: 200) о том, что употребление предлога НА при словах *деревня* и *село* было связано с представлениями о площадке с разбросанными по ней объектами.

▪ НА употребителен тогда, когда *село* или *деревня* ассоциируются с особым миром, «своим» пространством (вспомним в этой связи *у себя на квартире, на дому, на Москве* или *на Руси*), которое противопоставляется городу именно тем, что оно не выделено из природного ландшафта (ср., *на природе*). Кроме того, *село* или *деревня* – это не только дома, огороды и околица, это люди с особым переживанием пространства (пространство известно и подконтрольно). Поэтому употребление *на деревне* и *на селе* характерно именно для деревенских жителей или в контекстах, где это подразумевается:

(168) На деревне считали, что так полезнее, здоровее... («Народное творчество», 2004 – Rc)

(169) ... его на селе иначе, как «сопляком», и не звали. (Пикуль)

И авторы, которые стремятся точнее передать дух деревни, поэтизируя ее мир, прибегают именно к такой интерпретации данных локумов. Особенно подобное употребление характерно для Бунина. Ср.:

(170) На селе около церкви поскрипывают в темноте подъезжающие телеги... (Бунин)

(171) Здесь на деревне [...] только девочки напевали песни... (Бунин)

Об этом еще в начале XX века писал, например, Чернышев (1970: 607), подчеркивая, что *на деревне(-ю)* сохраняется под влиянием народного языка, и приводил примеры из Короленко и других авторов, хотя, как он считал, надо решительно предпочитать *в деревне(-ю)*. Это же отмечал и Потебня (1941: 220).

3.6 Отдельные случаи концептуальных сдвигов

В данном разделе мы обратимся к рассмотрению механизмов концептуального сдвига, того, как вариативность в употреблении предлогов В и НА постепенно сменяется предпочтительным употреблением того или иного предлога. Этот процесс в русском языке идет постоянно, затрагивая на различных этапах разные участки пространственной концептуальной системы, и направлен в сторону ограничения и исчезновения вариативных возможностей в языковой репрезентации у одних локумов и появления таковых у других.

3.6.1 Кухня⁸¹

Наиболее интересным в этом плане нам представляется локум *кухня*, занимающий довольно центральное положение в представлениях о пространстве дома. Процесс постепенного концептуального сдвига здесь охватывает период более двух веков.

Исконной предшественницей кухни была *поварня*, представлявшая собой отдельное строение, соединенное посредством переходов с хозяйскими постройками.⁸² Уже в Лаврентьевской летописи *поварня* (или *поварница*) употребляется с предлогом В, что вполне логично, учитывая пространственную конфигурацию данного локума. Однако в XVIII веке, в период высокой вариативности практически во всех звеньях языковой системы, отмечаются и случаи иного употребления:

(172) Сковорода вещь очень нужная и необходимая на поварне, но в словесности... (Виноградов 1949: 175).

С развитием городской жизни местом приготовления пищи становится отдельная комната в квартирах или домах, а не отдельная постройка или огороженный угол в избе. Этим объясняется заимствование в начале XVIII века из немецкого через посредство польского языка нового слова *кухня* (*Küche*), которое должно было отразить сущность новой реалии (Черных 1994/1: 459-460). С момента своего закрепления в быту и в языке данный локум постоянно встречается в письменных фиксациях с обоими предло-

гами. Причем представляется сложным определить, какому варианту отдавалось предпочтение. Так, в романе «Обломов» Гончарова, где тема кухни играет важную роль, соотношение предлогов В и НА при *кухня* приблизительно одинаковое ➤ 19 : 20;⁸³

(173а) Затем он уже считал себя вправе [...] болтать с Анисьей в кухне...

(Гончаров – Ас)

(173б) На кухне *стряпали* в трое рук, как будто на десятирых...

(Гончаров – Ас)

То же самое мы видим и в «Миргороде» Гоголя: соотношение В и НА ➤ 6 : 5:

(174а) Пришедши в кухню, все, несшие гроб, начали прикладывать руки к печке... (Гоголь – Ас)

(174б) ... он всегда заходил на кухню, чтобы отдохнуть... (Гоголь – Ас)

Есть авторы, явно предпочитающие один из предлогов, и тем интереснее те случаи, когда они отступают от этого правила. Булгаков, например, в своих произведениях «Мастер и Маргарита», «Белая гвардия» и «Собачье сердце» 31 раз употребляет предлог В при *кухня* и всего четыре раза – НА. А в «Докторе Живаго» Пастернака, наоборот, отмечено 10 употреблений предлога НА и только один случай с В.⁸⁴

При анализе текстов Амстердамского корпуса и UPPSALA выясняется, что во второй половине XIX и первой половине XX века *кухня* чаще ассоциировалась с вместительным и предпочтение отдавалось предлогу В. А во второй половине XX века на первый план выдвигается функциональное взаимодействие с локумом, поскольку именно этот аспект становится релевантным для большинства носителей нормы. В Амстердамском корпусе текстов нами найдено 184 случая с предлогом НА и только 90 случаев с предлогом В, т.е. в два раза меньше, такое же соотношение отмечено и в корпусе текстов UPPSALA ➤ 40 : 20. При этом ни в одном из примеров с предлогом НА *кухня* не отмечена с определениями. Ту же тенденцию мы наблюдаем и в *Национальном корпусе русского языка* ➤ 2414 : 1191.

1 Итак, чем же обусловлен выбор предлога НА?

- Во-первых, в ситуациях движения к локуму и краткого пребывания в нем, с такими глаголами движения, как *пойти, пройти, прийти, вернуться, отправиться, отнести, появиться* и некоторыми другими:

- (175) Тут Сашка Шах не выдержал, *пошел на кухню* и вернулся с такой резиновой штучкой... (Незнанский/Тополь – Ас)
 (176) Каждый день мы *забегали* с улицы *на кухню*, крали что-нибудь из холодильника [...] и бежали дальше. («Караван историй», май 2001)
 (177) Он *вернулся на кухню*... (Стругацкие – Ас)
 (178) ... *поднялся на кухню*, вынул из-под полотенца калач... (Рыбаков – Ас)

С признаком «временность нахождения в пространстве» мы уже сталкивались, когда говорили о специфике концептуализации локума *квартира*.

Особый случай представляют собой глаголы движения с приставками *в(о)-* и *вы-*, где выбор предлога диктуется не только их семантикой и синтаксическими связями, но и закрепленными за ними представлениями. Так, например, *войти, вбежать, влететь* и т.д. предполагают движение в закрытое, ограниченное пространство-вместилище, поэтому в подобных контекстах выбор предлога однозначен (ср. сингармонизм предлога и приставки):

- (179) *В кухню* вошла Снежана. (Токарева – Rc)
 (180) ... закричала *влетевшая в кухню* Маня. (Донцова – Rc)

Глаголы с приставкой *вы-* сочетаются с локумами-релятумами, которые видятся как менее замкнутое пространство со многими входами/выходами.⁸⁵ Возможно выйти в коридор или в море, на сцену или на площадку. *Кухня* же в нашем сознании никак не может претендовать на статус открытого пространства с разнообразными выходами, поэтому употребление предлога НА в сочетании с глаголами с приставкой *вы-* вызывает удивление. Ср.:

- (181a) Но как-то утром, *выйдя на кухню* за дровами... (Гроссман – Rc)
 (181б) Одевшись, *вышел на кухню*. (Волос – Rc)

По всей видимости, здесь актуализируются иные смыслы, внимание фокусируется не на объеме, а на поверхности-сцене, где разворачивается специфическая человеческая деятельность.

- Поэтому, во-вторых, предлог НА типичен в ситуациях описывающих некую деятельность, характерную для этой части квартиры или дома:⁸⁶

(182) ... Гуга на кухне позвякивала посудой... (Стругацкие – Ас)

(183) ... кашеварить на коммунальной кухне своей бывшей квартиры...
(Аксенов – Ас)

(184) Аркадий, если вы еще раз позволите так себя вести, будете обедать на кухне! («Караван историй», октябрь 2001)

- В-третьих, НА предпочтителен в ситуациях, где кухня является сценой или фоном для происходящего, о чем мы уже говорили в связи с локальными объектами *конюшня, склад, пекарня*:

(185) Разговор *происходил* на кухне их трехкомнатной квартиры... (UPPSALA)

(186) Вечерами *играла в карты* с ребяташками на кухне. (UPPSALA)

2 Предлог В употребляется по преимуществу в тех случаях, когда *кухня* видится как некое замкнутое помещение с определенными пространственными параметрами:

(187) В этой сверкающей ароматной кухне, где было так прохладно...
(Стругацкие – Ас)

(188) ... в кухне у них потолок шел скошенно... (UPPSALA)

(189) В большой и светлой кухне стоял прекрасный дубовый сервант ручной работы.

3 Однако выше описанные тенденции не исключают и некоторых отклонений. Так, предлог В допускается в контекстах движения к объекту или типичной деятельности, имеющей место в этой части дома/квартиры, а НА не исключен, когда речь идет о пространственных характеристиках:

- (190) Дарья Степановна тихо гремела кастрюлями в кухне... (UPPSALA)
 (191) Поздней ночью на маленькой кухне стандартной двухкомнатной
 квартиры... (Кунин)

Таким образом, наличие двух рядов представлений у локума *кухня* объясняется сложным процессом становления и закрепления в сознании языкового коллектива соответствующего концепта. Своеобразная роль кухни в русской действительности, превратившая маргинальный концепт в один из центральных, специфичность представлений и ситуаций, закрепленных за самим локумом, приводят к тому, что *кухня* осмысливается все чаще не как вместилище, а как фон, площадка-сцена, на которой развертывается специфическая человеческая деятельность и на которую направлено внимание говорящего.

3.6.2 Украина

Если у концепта >КУХНЯ< мы наблюдаем под давлением новых интерпретаций уже известного пространства довольно длительную смену салиентных признаков, растянувшуюся на два столетия и до сих пор еще не завершившуюся, то у концепта >УКРАИНА< эта смена происходит буквально на наших глазах и во многом обусловлена внешними факторами.

Употребление предлога НА при *Украина* пытались объяснить многие исследователи. Одни усматривали здесь связь с этимологией: “то, что на краю, окраинные земли” (Астафьева 1974: 29; Sullivan 1998: 27). Другие указывали на влияние украинского языка (Cienki 1989: 81). Третьи связывали это с особым отношением русских к украинцам, не желающих видеть в Украине суверенное государство (Sullivan 1998: 27). Однако, как нам представляется, дело здесь совсем в другом.

Как мы помним, Украиной раньше называлась не республика, губерния или провинция, т.е. независимая территориально-административная единица, а лишь окраинная область обширной Российской империи, что и отражено в самом названии (“то, что на краю, окраинные земли”), как было отмечено выше. Кроме того *Украина*, как и *Русь* или *Волянь*, являлась частью

освоенного и обжитого, «своего» подконтрольного пространства. Именно это поддерживало былую отнесенность данного локума к поверхностной категории [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО]:

(192) Владимир Сергеевич [...] был [...] на Украине, на Кавказе. (Дик)

Идея освоенности и подконтрольности пространства не исчезла с изменением статуса реалии-локума. Даже тогда, когда Украина из пограничных земель превратилась в провинцию, а затем в суверенную республику, у языкового коллектива не возникало необходимости или потребности пересмотреть традиционное употребление предлога НА именно потому, что признак «своего» пространства оставался доминирующим, хотя статус пространственного объекта, безусловно, изменился.

Ныне же, с получением Украиной политической независимости и осознанием себя в качестве самостоятельного государства, изменилась ментальная репрезентация данного локума: появилась идея не просто «самости», но отгороженности. Однако смена ассоциаций и выделение иных релевантных когнитивных признаков еще не всегда приводят к изменениям в языковом выражении. Для этого нужно активное участие языкового коллектива. Только в таком случае может произойти довольно быстрый переход локального концепта в иной концептуальный тип. Именно этот процесс мы и наблюдаем в случае с Украиной: на смену *Украине* как обширной этно-географической области с размытыми границами, являющейся частью общего обжитого пространства, пришли представления об *Украине* как некой государственной единице с четко обозначенными границами.⁸⁷ Поэтому все чаще мы встречаем *в Украину(-е)* вместо привычного *на Украину(-е)*.

Однако процесс этот еще не завершен. Беглого просмотра *Национального корпуса русского языка* достаточно для того, чтобы увидеть приблизительно одинаковое соотношение в употреблении В и НА > 1000 : 1000. При этом В характерен для политически «корректных» контекстов:

- (193) Главное, чего добивается российская сторона, чтобы русские, проживающие в Украине, имели возможность беспрепятственно удовлетворять свои языковые, культурные потребности. («Дипломатический вестник», 2004 – Rc)

Предлог НА встречается в более критичных, а порой и просто негативных контекстах:

- (194) Живу на Украине – проклятой богом и людьми мафиозной стране вот уже 16 лет. («Молния», апрель 2002 – Rc)

Так, выбор предлога может отражать и политические убеждения носителя языка. С этим явлением мы еще не встречались.

3.7 Отдельные случаи обратной концептуализации

Случаи, когда локумы с ярко выраженной контейнерной конфигурацией в узусе демонстрируют отнесенность к другой категории поверхностного типа, крайне редки в языке. Объяснение подобным исключительным фактам надо искать, как нам кажется, в историческом развитии действительности и языка.

1 Возьмем, например, пространственный объект *почта*, который в норме употребляется с предлогом НА, хотя, исходя из общих представлений, должен бы был осмысляться как закрытое пространство, а следовательно, сочетаться с предлогом В и относиться к категории контейнерного типа [УЧРЕЖДЕНИЕ]. Попытки объяснить употребление НА при *почта* полным абстрагированием от конкретной формы (Селиверстова 2000: 201), или тем фактом, что современные почты состоят из различных отделов (Сienki 1989: 82-83), ничего не проясняют в данном вопросе. Отклонение от 'нормативных' представлений связано, как нам кажется, с сохранением в языке устаревших представлений о самой реалии. Обратимся к истории.

С середины XVII века, благодаря усилиям немецких комиссионеров, в России появляются *почтовые* (ср. немецкое *Post*) *станции*, система которых

опиралась на известные еще с середины XIII века ямские станы, представлявших собой стоянку на большой дороге, где происходила смена лошадей (Черных 1994/2: 470).⁸⁸ В начале XVIII века *стан* вытесняется словом *станция*, первоначально заимствованным из европейских языков для нужд военной терминологии (Биржакова и др. 1972: 304). Таким образом, сменялись наименования, реалья же сохраняла в принципе свои первоначальные конфигурации. *Почтовая станция*, представляя собой не что иное, как ограниченный участок земли с постоянным двором для путешественников, с хозяйственными пристройками для лошадей и домиком для смотрителя, хорошо вписывалась в поверхностную категорию [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ], и следовательно, употребление предлога НА здесь было вполне логичным:

(195) Ступай на почту за лошадьми. (В. Сологуб – Rc)

С развитием почтовой службы в городах появлялись специальные учреждения, где предлагались почтовые услуги. Так, возникла новая реалья, которая получила и новое наименование: *почта* (заимствование из немецкого через посредство польского языка *poczta*):⁸⁹

(196) Теперь скорей в пакет да и на почту. (Загоскин – Rc)

Употребление предлога НА при *почта*, по всей видимости, можно объяснить, с одной стороны, первоначальным влиянием немецкого и польского языков, в которых до сих пор употребляется коррелят русского НА (ср.: нем. *auf der Post* и пол. *na poczcie* 'на почте'). Как мы видели в случае с реальями (*курорт* и *сквер*), пришедшими из других «культурных» миров, первоначально русский язык заимствовал и наиболее употребительный при них предлог. Только при полной адаптации локум мог переосмыслиться и встроиться в иной ассоциативный ряд. С другой стороны, сохранение НА можно объяснить использованием предлога в определенных ситуациях, всегда связанных с пересылкой писем, пакетов, денег и т.д., в результате чего мог возникнуть налет терминологичности. Ср. интересный пример у Пушкина:

(197) Тотчас отнес он письмо на почту, в душло... (Пушкин)

Получается, что почтой могло служить и душло, если при этом сохранялось функциональное взаимодействие.

Смена предлога могла бы произойти в том случае, если бы у носителей языка возникло желание закрепить в языковом выражении изменившиеся представления о локуме (как в случае с *Украиной* или *курфортм*). Однако этого не произошло.

Появление в российской действительности XIX века *почтамтов* (явное заимствование из немецкого языка), главных почтовых учреждений города, которые с самого начала представляли собой не что иное, как здание, и вовсе не ассоциировались с ямскими станами или почтовыми станциями, казалось, определило предлог. Так, с конца XVIII века, с момента появления реалии и апеллятива в языке, и по начало XX века употребительным был прежде всего предлог В:

(198) Сии деньги отсылалися прямо в С.-Петербургский почтамт...

(Радищев – Rc)

(199) Параша выслушала меня со вниманием и не противоречила, а

немедленно же пошла в почтамт. (Лесков – Rc)

(200) На прощание она [...] позволила писать ей в почтамт до востребования, на вымышленное имя. (Куприн – Rc)

Однако, как показывает анализ *Национального корпуса русского языка*, уже с 20-х годов XX века предлог В вытесняется НА:

(201) Странно улыбаясь, он отправился на почтамт... (Ильф и Петров – Rc)

(202) Он [...] посещал библиотеку [...] заглядывал на Почтамт. (Нагибин)

Таким образом, традиционное употребление предлога НА при *почта* распространено и на *почтамт*.

2 Такое же расхождение между физической формой объекта и отражением представлений о нем в языке отмечается и у локума *биржа*, представля-

ющего собой не что иное, как здание-учреждение, но сочетающегося при этом с предлогом НА (ср.: *работать на бирже, на бирже труда*). Дело, однако, в том, что первоначальные представления о бирже (заимствование в начале XVIII века из голландского языка) были связаны с площадью, на которой собирался торговый люд или извозчики (Черных 1994/1: 90). Вспомним у Пушкина в этом значении:

(203) Встает купец, идет разнощик, на биржу тянется извозчик.

Таким образом, данный пространственный объект в своем первоначальном виде представлял собой малый участок поверхности, обустроенный людьми (как, например, *рынок, ярмарка* и т.д.). Ассоциации *биржи* со зданием, где собираются представители торговой профессии, возникли позже:

(204) ... собрание купеческое в бирже бывает в близости анбаров, где складывают товары чужестранные... (Радищев – Rc)

Однако необходимости изменения традиционного употребления не возникло и здесь. Вероятно, это было обусловлено с тем, что конструкции со словом *биржа* употреблялись в первую очередь в среде дельцов и банкиров (т.е. обладали некоторой терминологичностью) и были связаны с идеей функционального взаимодействия с пространством. Попадая в общеупотребительную лексику, они легко идиоматизировались.⁹⁰ Возможно, сдерживающим фактором явилось здесь не столько влияние другого языка (как в случае с *почтой*), сколько внутриязыковые процессы.

3 Отклонением от довольно устойчивых нормативных представлений является и локум (*полуостров*) *Крым*, который в языке последовательно сочетается с предлогом В, хотя, как было рассмотрено нами выше, должен был бы употребляться с НА:

(205) Произошло это в самом конце их пребывания в Крыму...
(Улицкая – Rc)

Однако представления о земной поверхности, окруженной водой, здесь вторичны, поскольку изначально *Крым* ассоциировался в сознании русского человека не с единицей географического пространства, а с дружественно-враждебным государством,⁹¹ поддержание хороших отношений с которым составляло важнейшую статью внешней политики России вплоть до конца XVIII века.⁹² После покорения Крыма и вхождения его в состав России произошло, безусловно, переосмысление самого концепта, но не его языковое выражение. (Ср. с *Украиной*.)

3.8 Итоги главы

1 Идея замкнутости пространства поддерживается либо самой реальной геометрической конфигурацией локумов, либо стремлением сфокусировать внимание на границах вследствие качественной однородности внутреннего пространства, либо представлением (под влиянием значительной протяженности самого локума) о поглощенности пространством, погруженности в него и отсутствия контроля.

2 Поверхностный тип концептуализации связан с двумя группами локумов. В первую группу входят малые или большие участки поверхности, для которых наличие или отсутствие четко выраженных горизонтальных границ не релевантно, но для которых важны контакт и функциональное взаимодействие с поверхностью, на которой располагаются различные объекты пространства, а также контроль над последней.

В другую группу мы объединяем комплексные, разнородные локумы, состоящие из качественно различных сегментов, расположенных на поверхности и стягиваемых ею в единое целое.

3 Концепты объединены в категории того или иного типа на основе сочетания и взаимодействия различных салиентных когнитивных признаков, ни один из которых не является, однако, самодостаточным для отнесения категории к какому-либо типу.

Комбинации следующих признаков характерны для контейнерных (суб)категорий:

- «трехмерность» и «полная закрытость/замкнутость» ➤ [СТРОЕНИЕ], [ПОМЕЩЕНИЕ] и [УЧРЕЖДЕНИЕ];
- «трехмерность» и «частичная закрытость/замкнутость» (верхняя часть открыта) ➤ [ПОВЕРХНОСТЬ + ВЕРТИКАЛЬНОСТЬ];
- «полная замкнутость/ограниченность» и «проекция вверх/объемность» ➤ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО];
- «частичная замкнутость/ограниченность», «большая протяженность», «проекция вверх» и «гомогенность» ➤ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 1;
- «частичная замкнутость/ограниченность», «большая протяженность», «гомогенность» и «двухмерность» ➤ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО] 2;
- «частичная замкнутость/ограниченность» (хотя бы с двух сторон) и «двухмерность» ➤ [ВОДНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ + СУША].

Поверхностным категориям присущи комбинации следующих признаков:

- «несущая опора/контакт», «полная замкнутость/ограниченность» и «вертикальность» ➤ [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ];
- «несущая опора/контакт», «двухмерность», «частичная замкнутость/ограниченность» и «малая протяженность» ➤ [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛАНДШАФТ]; [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ];
- «несущая опора/контакт», «двухмерность», «частичная замкнутость/ограниченность» и «протяженность» ➤ [ПОЛОСКА ЗЕМЛИ];
- «несущая опора/контакт», «трехмерность» и «уровневость» ➤ [ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ];
- «гетерогенность» и «стягивание разнородных элементов пространства в единое целое» ➤ [ВОДОЕМ + ТЕРРИТОРИЯ]; [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ]; [ПРИРОДНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО]; [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО].

4 Различия между концептуальными типами и категориями опираются на дихотомию релевантных признаков:

- «полная закрытость/замкнутость» ↔ «частичная замкнутость/ограниченность»;
- «трехмерность» ↔ «двухмерность»;
- «профилирование границ» ↔ «профилирование пространства внутри границ»;
- «четкость границ» ↔ «размытость границ»;
- «вертикальность» ↔ «поверхность-опора»;
- «большая протяженность» ↔ «малая протяженность»;
- «однородность» ↔ «неоднородность» пространства;
- «верх» ↔ «низ»;
- «поглощенность пространством/невозможность контроля» ↔ «контроль над пространством/обозрение внутреннего объема»;
- «незнакомое/неосвоенное» ↔ «знакомое/освоенное» пространство.

Отметим, что «однородность – неоднородность» пространства, «функциональное взаимодействие с поверхностью-опорой» и постоянное «переключение внимания с границ на поверхность внутри границ» локума при сохранении его целостности играют важную роль в концептуализации пространства русским языковым сознанием.

5 Значительная доля локальных концептов связана с реалиями, пришедшими в русскую действительность из других культурных «миров». В первую очередь это касается таких категорий, как [ПОМЕЩЕНИЕ], [УЧРЕЖДЕНИЕ], [ПОВЕРХНОСТЬ + ЛЮДИ] и [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ]. Основная масса их довольно быстро адаптировалась, ассоциации легко уложились в существующую пространственную систему русского языка, поскольку не противоречили ей. Лишь у нескольких пространственных объектов, по всей видимости, сохраняется система ассоциаций языка и культуры доноров, из которых данные реалии проникли в русский язык, что влияет на употребление иного по сравнению с системой предлога.

6 Анализ конкретного материала, особенно последних лет, показывает, что, несмотря на всю сформированность и четкость пространственной концептуальной системы русского языка, где за каждым локумом в наших представлениях закреплена некоторая совокупность признаков, определяющих то, как мы должны 'видеть' конкретный пространственный объект, колебания в выборе салиентных признаков у носителей языка вовсе не исчезли, а всякий раз актуализируются вновь.

Наряду с постоянной вариативностью, затрагивающей очень ограниченный набор локумов и стоящей на периферии системы кодифицированного языка, мы сталкиваемся с явлением спорадической вариативности, которая может возникнуть, в принципе, у любого пространственного объекта, геометрические конфигурации которого не столь однозначны. Наиболее «чувствительны» к спорадической вариативности локумы:

- некоторые *регионы и области* ➤ [АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО];
- *степь, горы, холмы* ➤ [ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО];
- *остров и полуостров* ➤ [ВОЗВЫШЕННАЯ ПОВЕРХНОСТЬ];
- *вокзал, завод, фабрика, киностудия, телестудия, вилла* ➤ [СООРУЖЕНИЕ + ТЕРРИТОРИЯ];
- некоторые *этнические области* ➤ [ЭТНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО].

В интерпретации пространственных категорий и конкретных локумов существенным оказывается эгофокальный подход, который объясняет явление спорадической вариативности предлогов В и НА сужением/расширением фокуса восприятия локума, т.е. переключением внимания наблюдателя с границ объема или плоскости внутри границ.

7 В русском языке сохраняется несколько случаев отражения более ранних представлений о некоторых пространственных объектах, когда язык не стремится подстроиться под изменение в течение времени их форм и назначения. Получается, что языковая репрезентация действительности запаздывает по отношению к самой действительности, а порой пренебрегает ею (*почта, биржа, Крым*). Однако чуткость языка к смене представлений

о локуме при его изменении все же возможна, хотя для этого и необходимо активное желание языкового коллектива, направленное на пересмотр сложившихся представлений и способов языкового выражения (*Украина*).

8 Итак, как же видится в русской наивной картине мира пространство, заполненное дискретными пространственными объектами?⁹³

Во-первых, пространство состоит из гомогенных локумов, равных самим себе в каждой точке, и гетерогенных, состоящих из нескольких качественно разнородных сегментов (один из которых служит объединяющим ориентиром), стягиваемых поверхностью в единое целое.

Во-вторых, здесь выделяются трехмерные, замкнутые со всех сторон, локумы-контейнеры, и локумы с открытой вертикальной проекцией, где, другими словами, есть стены, но нет потолка/крыши. Внутреннее пространство контейнерных объектов делится на два уровня: нижний сохраняет полную закрытость, а верхний рассматривается как возвышенная поверхность.

В-третьих, все пространство разделено на большие и малые участки-плоскости. Малые участки легко обозримы, подконтрольны, границы их самоочевидны, а потому нерелевантны. Все внимание носителя языка концентрируется на внутренней плоскости, которая заполнена рассеянными по поверхности различными объектами, функционально значимыми для человека, находящегося во взаимодействии с ними. Другое дело обширные плоскости-поверхности, которые необозримы, а значит, выходят из-под контроля человека, как бы растворяющегося в пространстве, теряющегося в нем. Тогда потенциальные границы становятся самоценными. В ментальных представлениях они помогают замкнуть локумы, отделить качественно разные фрагменты пространства друг от друга.

9 Как нам представляется, на основании всего сказанного можно создать некий алгоритм, позволяющий практически безошибочно определить или предсказать концептуализацию любого, не только существующего, но и потенциально возможного локума.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

